

The illustration depicts a man and a woman in a fantastical setting. The man, shirtless and muscular, has long dark hair and is holding a large, ornate sword. The woman, with long red hair, wears a shimmering gold dress and is looking back at him. They are standing in front of a classical building with arches and columns, with modern skyscrapers visible in the background at night. A large, dark, scaly serpent is coiled on the ground at their feet.

Огонек души

Ольга Аверс

Ольга Викторовна Аверс

Огонёк души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69790048

SelfPub; 2024

Аннотация

Старшего принца Паталы, Ранбира, волновал вопрос: как жить дальше, когда единственная любовь в его жизни стала женой старшего брата? Хуже всего даже не это, а то, что принц обнаружил в себе маниакальную тягу к невестке, усилившуюся после совершения всех брачных традиций. Ранбир чуть не навредил Лизе и не поставил под удар всю семью, в том числе авторитет и власть Давлета. Он почти переступил черту...Как теперь справиться с дикой тягой?Как смотреть старшему брату в глаза?Единственный выход – оставить семью, но ведь Давлету и Лизе грозит опасность от неизвестного врага...Продолжение Змеиной саги. Часть третья – история Ранбира Умарова.

Содержание

Предисловие	7
Пролог	9
ЧАСТЬ 1	12
Глава 1. Конец спокойной жизни	12
Глава 2. Назад в прошлое	32
Глава 3. Жизнь в страхе	43
Глава 4. Закоулки памяти	76
ЧАСТЬ 2	84
Глава 5. Голос	84
Глава 6. Назад в прошлое	118
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Ольга Аверс

Огонёк души

*«Сердце сварено в молоке,
Лист крапивы – в глазах костёр.
Лунный свет на твоей руке,
На рубашке красный узор.
На рубашке красный петух,
А и мне ли жалеть огня?
Как захватит от дыма дух,
Как светло улыбнётся князь!»*

«Огонь» группа «Мельница»

Предисловие

Уважаемые читатели!

Рада снова встретиться с вами на страницах Змеиной саги. Представляю вашему вниманию третью книгу «Огонёк души», из которой мы узнаем историю Ранбира.

Неожиданно для меня самой книга получилась объёмной. Я приняла непростое решение разбить всё же историю среднего принца на две части, чтобы изложить её полноценно, не смазав финала.

Написание книги заняло больше времени, чем я планировала. В процессе часто углублялась в изучение специфических тем, в том числе разбиралась и в медицине. Надеюсь, моё усердие и затраченное время оправдают себя и позволят воспроизвести колорит атмосферы Подземного царства. Желаю вам погрузиться в мир Паталы и ощутить себя частью его.

В книге «Огонёк души» вы встретитесь как с уже любимыми героями из первых двух книг, так и с новыми. Здесь много второстепенных и эпизодических героев. Сюжет богат на исторические события. Структура изложения подразумевает много отсылок в прошлое, которое поможет в понимании причин и истоков вражды, а также способствует раскрытию многих тайн.

Я позаботилась о том, чтобы облегчить вам чтение и

избавить от запоминания многочисленных героев и их родственников. В конце книги помещаю глоссарий имён всех персонажей, упоминаемых в этой части с их кратким описанием, таблицы эпох, основные родословные.

Желаю вам приятного чтения!

Ваша Ольга Аверс.

Пролог

– Милая, сегодня, как только стемнеет, нам нужно навещать в айатану!

– Хорошо, а что такое? У меня может открыться ещё один дар? – уточнила Лиза.

Давлет улыбнулся:

– Ты самая одарённая царица из всех, что были!

– Тогда в чём же дело? Хочешь получить ответ на трудно-разрешимый вопрос?

– Не совсем, милая.

Лиза пытливо взглянула на мужа, на мгновение оторвавшись от монитора. Давлет подпирал плечом косяк входной двери в гостиную царской опочивальни. Он выглядел таким домашним сейчас. Распущенные волосы спадали на плечи, тело обтягивала белоснежная футболка. Свободные шаровары и удобные кожаные мокасины на мягкой подошве довершали облик.

Лиза не удержалась и протянула навстречу мужу руки. Давлет мгновенно отклеился от стены и устроился на полу у ног жены, отодвинув столик с ноутбуком. Обнял любимую двумя руками за талию и положил голову жене на колени. Пальцы Лизы запутались в чёрных волосах. Давлет осторожно прижался ухом к пока ещё плоскому животику:

– Что ты чувствуешь? – тихо спросил.

– Счастье и наполненность твоей любовью.

– Я про детей, – уточнил.

– Ничего особенного пока, кроме учащённых позывов в уборную и желания поесть на ночь, – призналась Лиза.

– Значит, растут, – довольно заключил Давлет и поцеловал животик.

– Так, не увиливай! Зачем нам нужно идти в айатану?

– Это секрет!

Лиза хитро сощурила глаза и уже открыла рот, чтобы напомнить мужу о том, что никаких секретов они уже давно между собой не держат. Давлет не дал ей произнести ни слова. Властно поцеловал в губы так, что Лиза позабыла причину своего возмущения.

Спустя пять минут повелитель Паталы довольно наблюдал реакцию Лизы на его поцелуй. Как-то получилось так, что теперь они оба лежали на диване. Талия Давлета находилась в плотном кольце женских ног, он нависал сверху и держал лицо любимой в ладонях. Лиза прикрыла веки и слегка вытянула губы, привлекая ближе мужа за шею.

Мужчина ухмыльнулся:

– Да, милая, тебе сегодня придётся надеть корону!

– Что? – глаза Лизы широко распахнулись.

Давлет знал, что носить корону для Лизы означало публичные официальные приёмы, которые она терпеть не могла. По крайней мере, молодая махарани ещё не совсем оправилась после грандиозной царской свадьбы, хотя и прошло

уже с тех пор несколько месяцев.

– Ничего грандиозного, любимая. Будут только свои! – Давлет поцеловал Лизу в нос и быстро высвободился из захвата жены, пока на него не обрушилась лавина вопросов.

– Как свои? Кто свои? Салимовы? Сайф? Самира? Ранбир?

Давлет довольно подмигнул:

– Даже Талгат будет!

– У нас кто-то обручается? – глаза Лизы заискрились любопытством.

– Не угадала! Женится! – объявил Давлет.

– Кто?

– Увидишь сама! Да, милая, драгоценности для невестки приготовь!

– Давлет, а ну говори, кто женится? Кто невестка?

– Всё узнаешь вечером!

– Давлет!

– Милая, дела не ждут! Извини, – махарана поспешно проскользнул за дверь.

Ответа Лиза так и не услышала, от разочарования запустила в дверь подушкой.

ЧАСТЬ 1

Глава 1. Конец спокойной жизни

*«Забвение своих собственных
прегрешений порождает бесстыдство».*

Демокрит

Ранбир

Если бы кто-нибудь мне сказал, что в 30 лет свихнусь из-за девчонки, то я выбил бы тому наглецу все зубы. Никогда не затруднял влюблённостью свою голову.

В моей жизни присутствовали только две любимые женщины: мама и сестра. Маму помню смутно. Она умерла, когда мне было всего пять лет. Оставила после себя двух близнецов. Мои воспоминания расплывчатые, а порой и вовсе странные. Почти не помню, чтобы мама улыбалась. В детском сознании она отпечаталась грустной, часто с заплаканными глазами. Давлет рассказывал, что когда мама смеялась, вокруг становилось теплее и светлее. Может быть, но я не помню.

Сестра – прямое доказательство тому, что наша мама всё-таки когда-то смеялась. Самиру я всё детство боготворил, защищал, а потом учил драться. Люблю без памяти. На этом моя привязанность к женщинам и заканчивалась. Я не влюб-

лялся ни в одну девушку в юности. Скорее, испытывал некое отвращение ко всем этим девчонкам, готовым на всё ради моих денег.

Да, я богат, но никогда не кичился этим, не зазнавался. А женщины... они словно носом чуют денежных мужчин и расставляют сети. Противно.

У меня имелись подруги, с кем я проводил время. Девушки выполняли работу. Платил хорошо. Однако они для меня лишь средство удовлетворения физических потребностей, не более. Никаких нежных чувств не испытывал. Я не обижал их, уважал, но мы играли свои роли. Все оставались вполне довольными.

Однажды появилась она. Вихрем влетела в мою размеренную привычную жизнь. Я потерял покой. В голове стоял только её образ: хрупкая, в голубом платье, с длинной светло-русой косой и синими, как глубокий океан, глазами. Её запах ударил в нос, и я готов был схватить девушку там, на Казанском вокзале, но Давлет уже мысленно объявил её своей. Я не мог пойти против старшего брата.

С того дня закончилась моя спокойная жизнь. Началось наваждение...

Ранбир

Брат не мог открыто подойти к девушке. Это бы стоило малышке жизни.

Мир не такой, каким представляют его обычные люди. Он

полон загадочных существ, внешне ничем не отличающихся от человека. Сегодня бок о бок с людьми живут и, как правило, процветают представители разных миров. Да, да, их много. Мой старший брат – повелитель Нагалоки¹, низшего из семи миров Била-Сварги², где обитают наги: полулюди-полузмеи. Нашу землю чаще называют Паталой. В мифах и легендах разных народов нам приписывают силу, жестокость, гордость и несметное богатство. Отчасти они правы. Наги, которые остались и преданы Нагалоки, купаются в золоте и драгоценных камнях. Те же, кто решил покинуть подземную родину навсегда и поселиться среди людей, потеряли всё. Они ведут образ жизни обычных людей. Отличить их сложно, разве только удачливее и красивее... Наги Паталы стареют не так быстро, как люди.

Человек и не подозревает, что существуют другие миры. Когда-то давно этими знаниями владел светлый народ, но всё изменилось. Мудрые книги исчезли. Найти их возможно только в Патале. Мы храним память о Первоначале и оберегаем Землю, людей, проживающих на планете, и тайные знания, которые некогда стали причиной великих катастроф.

Наша семья происходит от древних нагов, тех, что изначально правили в Патале. Истинных родов всего четыре: Лунные, Огненные, Сапфировые и Изумрудные. В истории нагов всегда правили несколько царей. Каждый воз-

¹ Нагалоки— ещё одно название Паталы, мира нагов.

² Била-Сварга – обобщённое название семи подземных миров

главлял свою территорию. Однако со временем даже мудрейшие мельчают и предаются порокам. Пороки порождают вражду, вражда приносит беды. И змеиные цари совершали ошибки. Неверный поступок одного правителя чуть не стоил всем нагам жизни. Так, змеи пришли к единому мнению, что властвовать должен один, самый сильный, уравновешенный и мудрый, менее подверженный соблазнам, обладающий высоким духом.

Полномочия суверена, однако, ограничивались. Без Совета царь не принимал судьбоносных решений. Совет получал некую власть над монархом. Некоторые вопросы урегулировались без участия царя. Давно змеиному народу не грозила опасность извне. О мощи монарха стали забывать. Раньше наги верили, что царь непременно защитит змей от вторжения неприятелей в их мир. Враги у нагов всегда имелись. История знала случаи, когда так и было. Махарана возглавлял армию лучших воинов, которые яростно сражались с дайтьями³. Потом наступило затишье. Никто не причинял нагам вреда, не проникал в Нагалоки, не крал то, что принадлежало змеям. Народ постепенно успокоился и забыл об опасностях. Политика мира людей овладела умами членов Совета. Наши традиции упразднялись, обычаи древних родов почти исчезли. Царь с каждым поколением терял авторитет и влияние.

Мой дед, Рошан, а за ним и отец, Джихангир, усилили

³ Дайтьи – асуры, дети Дити.

власть суверена. Многие из забытых традиций и законов вернулось. Давлет продолжил линию деда и отца, но в отличие от них брат владел лучшими дипломатическими качествами. Он не только прекрасно сдерживает эмоции и способен воздействовать психологически на умы окружающих так, что выгодные для него решения оппоненты выдают за собственные идеи. Большинство советников не любят Давлета за это. Наги умны, прекрасно осознают, что молодой правитель умело манипулирует ими, но мало кто может подловить и уличить его. Весь Давлет в этом. Иногда и сам оказываюсь под влиянием чар махараны, раздражаюсь, но умом понимаю, что Давлет прав, и поступаю так, как он велит.

Из-за этого у брата много недругов среди нагов, проще назвать тех, кто верен: Сапфировый и Тигровый, остальные занимают либо нейтральную позицию, либо ненавидят и стараются заполучить крепнущую власть суверена через родство. Уже больше десяти лет главы змеиных родов предпринимают попытки сосватать своих дочерей за Давлета. Тщетно! Как только претенденты получают отказ от старшего брата, взгляды переводят на меня.

Мне не раз предлагали трон, намекали, что поддержат, если я «уберу Давлета». Давили на то, что я всегда в стороне и тени своего великого брата. Не знаю, каким чудом я не свернул голову тем, кто посмел предложить мне подобное. Однако, по совету Давлета, делал вид, что не понимал прозрачных намёков. Прикинулся твердолобым качком, который слепо

слушал брата, усыпив тем самым бдительность заговорщиков.

Каждый только и норовит уличить в нарушении закона махарану, убрать с престола или ограничить власть. Появление невесты, а вернее, пока только девушки, подвергло бы опасности избранницу царя, а ведь она даже ни о чём не подозревала. Мне стало жаль малышку, ей не оставили выбора. До поры мы решили держать в секрете личность Лизы. Тем более, она простой человек, по крайней мере, нам так казалось, а браки с обычными людьми наги презирали. Люди разбавляли кровь, истощали магическую силу.

Совсем без внимания Лизу оставлять было нельзя. Раз девушка наша – а в этом уже никто из семьи не сомневался – то должна находиться под защитой. Только вот даже личной охране Давлет не желал сообщать имя возлюбленной. В роли телохранителей выступили сами. Около Лизы дежурили по очереди: Сайф, я, Давлет. И не зря. Девушка будто притягивала к себе неприятности: то и дело что-то происходило.

Однажды в моё дежурство сломался садовый кран на даче. Для меня это стало тем ещё испытанием. Впрочем, о нём я уже вспоминал. Тогда и признался себе, что влюбился, как мальчишка, в девушку старшего брата. Я злился и проклинал своё глупое сердце. Отгораживался от родных, чтобы они ничего не заподозрили. Решил, что это моя проблема, и сам во всём разберусь. Страдать – так в одиночестве. Давлет не виноват, что моё неразумное сердце выбрало его девуш-

ку. Пока Лиза держалась в стороне от меня и нашей семьи, скрывать чувства ещё получалось, но всё изменилось, когда она оказалась в Бхогавати⁴.

Сначала я прятался за внешней грубостью. Изображал безразличие и даже некое подобие пренебрежения к девушке. Хотел, чтобы она сторонилась меня и не жаждала общения. В конце концов, жених – старший брат, вот пусть и старается. У меня получалось, но недолго.

Покушения на Лизу начались сразу. Мы предполагали, что как только Давлет объявит о невесте открыто, девушка станет мишенью, поэтому брат утащил Лизу в Родовое Гнездо⁵, не спросив её. Однако большим сюрпризом для нас стало то, что опасность ждала девушку и здесь, причём на каждом шагу. Нам потребовалось пересмотреть дворцовую охрану. Как бы мы ни оберегали девушку, все по очереди, всего угадать невозможно. Лиза сама должна уметь себя защищать.

Сайф удивил всех. Он открыто заявил о ЗОВЕ. Для истинного нага это знак. Змей ощущает ЗОВ исключительно своей суженной. У каждого он проявляется по-разному. Один слышит явный голос и даже знает, кому тот принадлежит, другой чувствует лишь вибрацию, тепло, тягу на уровне инстинктов, уходящих корнями к праотцам.

После встречи с Лизой на Казанском вокзале, Давлет при-

⁴ Бхогавати – столица Паталы.

⁵ Родовое Гнездо – название дворца правителя Паталы, находится в Бхогавати.

знался нам, что почуял её аромат, как только вошёл в переполненное людьми здание. «Кроме запаха свободы, меня тянула невидимая сила выйти скорее на перрон», – рассказывал брат.

Мы никогда не пользуемся транспортом в путешествиях. В этом нет необходимости. Телепортация – лучший способ передвижения, самый быстрый из тех, что существуют у людей. Правда, есть недостаток – с собой мы можем взять только одного взрослого «пассажира». Каково же было наше удивление, когда Давлет объявил нам с Сайфом, что из Москвы в Казань мы поедem в личном вагоне поезда.

Моя первая мысль: «Зачем нам в Казань?»

Вторая: «Поезд? Серьёзно?»

Позже брат объяснил свой странный порыв. Внезапно пришла навязчивая мысль, и Давлет последовал ей.

Сомнений не было, так проявился зов старшего брата. Лиза – его истинная пара, это подтвердила и миста. Но как объяснить случай с Сайфом?

Мелкий уверял нас, что в розарии слышал именно зов, который проявился как ментальный призыв о помощи. Ментальный призыв! Этот факт натолкнул нас на одну мысль, которая впоследствии подтвердилась.

Именно чтобы проверить Лизу на владение магией стихий, мне пришлось провести некоторое время с ней вдвоём. Когда Давлет попросил меня об этом, я разозлился:

– Почему я? Сам же можешь!

– Мне срочно нужно покинуть Паталу. Подозреваю, на Лизу открылась серьёзная охота. Я получил сообщение о срочном собрании совета директоров в Дубае, причём требуют присутствие не только всех нас, но и сестры. Вчера нападение на Лизу, сегодня странный совет. Кто-то хочет, чтобы девушка осталась в Бхогавати одна.

Ранбир

Мне пришлось подружиться с невестой старшего брата, в которую сам влюбился по уши. Чем дольше общался с Лизой, тем больше крепло чувство к ней. Эта девушка завладела каждой клеточкой моего сознания. Её голос постоянно звучал в голове. Сам не сразу понял, что это был за голос. Когда же наступило осознание, чувства уже не казались навязчивыми. Их вполне можно было объяснить моей природной сущностью, тягой крови.

Не только я один страдал от любви к невесте Давлета. Малой так и извивался вокруг девушки. В отличие от меня Сайф не скрывал своего интереса за внешней грубостью и отстранённостью. Он активно шутил, балагурил, делал намёки и выпрашивал поцелуи, пусть дружеские, но я-то знаю младшего брата – если не девушка, то хотя бы мимолётная нежность. Я завидовал его непосредственности, он как ребёнок. Знаете, случается, школьники влюбляются в молоденьких симпатичных учительниц, пытаются шутить, комплименты говорят, яблоками и конфетами угощают. Наш Сайф

действовал так же.

Больше всего меня раздражала даже не моя влюблённость. С ней я уже как-то смирился, решил оставаться тенью брата, находиться рядом и видеть ту, что люблю всем сердцем. Меня сильно злило, что и сама Лиза тянулась ко мне. Видел, ей приятна моя компания, мои нечаянные прикосновения. С её стороны такие тоже случались. Я не безразличен для неё. Лиза любила меня. Сама говорила. Однако меня терзал вопрос: братская ли это любовь? Возможно, но я глупо мечтал, что я для неё всё же представлял нечто больше. Я видел глаза Лизы. Временами смотрела на меня с интересом, изучала. Чувствовал, она разглядывала меня как мужчину. Не надо даже быть сильным менталистом и лезть девушке в голову, чтобы понять это.

Я мог бы легко завоевать Лизу себе. Давлет – не помеха для меня. Брат постоянно занят. Патала отнимала много времени. И если дела на Земле решались дистанционно, то Нагалоки требовала присутствие царя. Я же проводил с Лизой дни. С тех пор, как выяснилось, что девушка – чистокровная аса, мы решили заняться её магическим образованием и подготовкой. Пока сила Лизы невелика, поскольку в полной мере дар раскроется, когда она станет ведьмой. Да, да! У асов ведьмами называли женщин, вскормивших своих первенцев. Другими словами, это ВЕДающая МАТЬ, всё знающая женщина, умеющая давать жизнь и возвращать. В этот период и магические силы достигали максимальной мощно-

сти, ведь мать защищала не только себя, но и своё потомство. Чем больше у женщины детей, тем больше силы даёт ей природа.

Лиза же – невеста, невинная девушка, закрытый сосуд, в котором есть потенциал. Я выяснил, что своей силой она с лёгкостью уложила бы нас троих, если бы знала слабые стороны. Даже с маленькой толикой магии можно победить, нужно только умело пользоваться. Однако Лиза понятия не имела, что делать со своим даром. Для неё самой это открытие, не меньшее, чем для нас.

Малышка оказалась прилежной ученицей. Всё быстро получалось, за что бы ни взялась. Сама же считала по-другому. Расстраивалась из-за неудач в физической подготовке да и небольших неточностях в магии, но в целом Лиза училась быстро и показывала великолепный результат. Я же не спешил нахваливать её. Иногда специально вёл себя, как свинья, чтобы позлить и спровоцировать её. Хотел, чтобы она умела не только защищаться, но и идти в атаку.

В мире нагов без умения нападать первым не выжить. Если не ты, то тебя. В нашем мире господствует мощь. Сильнейший правит, слабый служит. Может, кто-то сочтёт это нечестным, но такова природа. Мы, наги, живём её законами, как в древние времена. Глупо идти против той, что даёт жизнь.

Ранбир

Верность семье и брату не давала действовать в угоду себе. Что бы я ни чувствовал, чего бы ни хотел, но забрать у брата единственную надежду на счастье не мог. Давлет удивил нас всех, когда на празднике невест произнёс священное слово, связавшее его по рукам и ногам.

Последнее время наги и вовсе отошли от традиции, перенятой у асов, – называть жён священным словом. У мужчины больше свободы, если во время бракосочетания он не произносит «джани». Этим маленьким словом наг отдаёт себя всецело во владение одной женщине. Добровольно соглашается на отношения только со своей супругой. Произнеси это слово – и больше не сможешь с интересом смотреть ни на какую другую красавицу. Многие шутят, что «джани» – это добровольная кастрация в одном направлении: либо жена, либо евнух. Среди нагов никто не знает способа обойти силу этой клятвы, поэтому не всем по душе священное слово. Для женщины же – это самая высокая награда. Раньше многое происходило по-другому. Времена меняются, как и нравы.

Лишить брата возможности иметь наследников я не мог. Ведь он нарёк Лизу «джани», а это означало, что теперь только она одна и могла дать потомство Давлету. Если бы не священное слово, я бы открыто вступил в игру. Думаю, и малой тоже.

Давлет догадывался о наших с Сайфом чувствах к его невесте, но брат ни капли не проявлял ревности: то ли выдержка у него такая, выработанная годами, то ли настолько

верил нам...

Я люблю братьев и сестру, но как бы себя вёл на месте Давлета? Сгорал бы от ревности, переломал бы руки Сайфу, да и со старшим постоянно выяснял бы отношения.

А может, он и «джани» произнёс специально, чтобы нас с малым обезвредить? Давлет ничего не делает необдуманно.

Открыто перед братом мы не демонстрировали свой интерес, но он всё знал. Когда есть связь в виде единого духа, трудно что-либо скрыть.

Мы не только слышим мысли друг друга при должном настрое (это позволяет нам общаться без слов), но так же ощущаем эмоции. Если сильно постараться, можно утаить помыслы, но душевные переживания от родных не спрятать. Чувствуем настрой на расстоянии.

Наступил такой момент, когда и скрывать ничего не пришлось. Все мысли, чувства оголились разом, когда Лиза чуть не покинула нас. Я больше всех чувствовал вину. Ведь это я научил её исцелению, подсказал, как действовать. На меня Лиза потратила половину сил, чтобы проверить... Даже представить не мог, что после, не дав себе восстановиться, она бросится исцелять Самиру.

Я первым понял, что произошло, когда на ментальный призыв сестры о помощи вломился в опочивальню брата.

Моя любимая лежала с заострённым носиком и землистым цветом лица, охваченная белым свечением. Рядом сидела полуголая сестра, вся зарёванная, но с идеально глад-

кой кожей на тех местах, где недавно были безобразные ожоги, а старший брат при помощи магии, присущей всем нагам, вгонял душу Лизы обратно. У Давлета получалось лишь удержать сияние на поверхности тела. Я немедленно присоединился. Понимал, брат долго не протянет. Даже у истинного нага резерв не бесконечный. Для нас магическое истощение сродни физическому. Если переусердствуем, потеряем сознание или даже уйдём за грань.

Наше долголетие тесно связано с магией. Она не даёт нам стареть и сохраняет от многих болезней, помогает быстро восстанавливаться. Магия у нас в крови как часть нашей второй сущности, доставшейся от Древних Змеев. Однако резерв истощается. Нам необходимо восстановление. Восполнение сил происходит постепенно извне. Энергию получаем от природы. Иногда, чтобы прийти в норму, требуется даже несколько дней. Это похоже на выздоровление человека от тяжёлого гриппа.

Когда наг теряет смысл к жизни, резерв перестаёт пополняться. Магия расходуется, но не восстанавливается. Наступает быстрое старение, нападают болезни. Жизнь утекает, словно песок сквозь пальцы. Так умер наш отец, повелитель Джихангир I.

Объединённая с Давлетом сила вернула душу Лизы в тело. Удержать её там – то ещё испытание. Я чувствовал, как тело девушки высасывает мою силу. Мне было не жалко, лишь бы помогло, но Лиза не менялась, наоборот. Кожа всё больше

приобретала мертвецкий цвет.

Талгат вовремя пришёл на помощь. Его капельница дала нам с братом передышку. Меня покачивало. Давлет не смог даже с кровати подняться. Ситуация такая, что ни страхи, ни чувства уже не скрыть.

Наша влюблённость в Лизу стала для Талгата открытием. Ещё бы! Три брата, истинные наги, наследники династии Королевской Кобры, без ума от маленькой асочки, и для каждого она кажется единственной, каждый слышал её ЗОВ, ощущал нестерпимую тягу. Хотя не только мы попали под наваждение. Синие взгляды Сапфирового, которыми он награждал Лизу, громче всяких слов кричали, что и ему девушка запала в душу, и довольно глубоко.

Спасти Лизу могло только чудо. Мы из чешуи вон вылезли с братьями, чтобы его совершить. Ни мгновения не колебался, когда Давлет предложил провести ритуал, но предупредил, что после своего не упусти. Старший брат заявил, что если всё получится, выбирать Лиза будет сама. А я ни на миг не мог представить, что у нас не получится, хотя, надо признать, меня порядком шатало и подташнивало. Силы отдал и так много, но для любимой не жалко. В тот момент я, конечно, не мог думать, что буду делать, когда девушка очнётся, как буду завоёвывать её внимание. Знал лишь одно – меня не остановит Давлет, только Лиза. Что и сделала, когда пришла в себя.

Её выбором не был удивлён, хотя всё же надеялся... Нет,

всё правильно. Однако в сердце вошёл клинок. Нестерпимо больно терять ту, которая связана с тобой кровью. Утешался тем, что любимая жива и будет счастлива. Давлет справится. Он правильный, внимательный, сдержанный, любящий. Я не такой. Огонь – моя главная стихия. Быстро воспламеняюсь и часто рублю сплеча.

В детстве то и дело нарывался первый на драку с братом, если что шло не по-моему. Да, с Давлетом Лизе будет лучше. И пусть в моём сердце торчит клинок, и пусть он провоцируется каждый раз, как вижу её. Это моя проблема. Я справлюсь и буду присматривать за ней.

Ранбир

Всё случилось на следующий день после бракосочетания брата. Я не думал, что мне настолько снесёт крышу. Казалось бы, Лиза – законная жена Давлета, тяга к ней должна убавиться, ведь на девушке теперь запах брата. Но куда там?

После бракосочетания впервые увидел её на коронации. Тогда-то и приклеился к ней взглядом. Она осталась для меня прежней, а пахнуть стала ещё притягательнее. Мой внутренний Змей почуял свою женщину. За те секунды, что Давлет вёл супругу по тронному залу к помосту, я двадцать раз спланировал похищение Лизы. Чего только не родилось в моей больной голове!

Я мог бы устроить пожар и под невидимостью унести девушку. В поднявшейся панике никто сразу бы не заметил ис-

чезновения Лизы. Давлет бы своим даром тушил мой огонь.

Я мог бы обойтись и без пожара. Устроил бы представление из струй воды в воздухе. Все отвлеклись бы на танцующие фигурки повелителя и его супруги, а я в это время под невидимостью подкрался бы к Лизе. Пришлось бы напрямую противостоять старшему брату, но на моей стороне неожиданность.

Да ещё много чего мог бы сделать, даже открыто противостоять Давлету. Тогда получился бы смертельный бой. Никто из нас не уступил бы. Гибели брата я не хотел. Единственное, чего желал, так это Лизу.

Видел, как она волновалась и искала поддержки в глазах подданных. Это Патала! Змеиное общество – скользкое и коварное. Сострадания лучше ни от кого не ждать! Моя девочка остановила взгляд на мне. Я понял, что ей нужно моё одобрение. Сейчас я не мог напугать Лизу, она и так едва в обморок не падала от своей новой роли.

Когда они с Давлетом взошли на помост, я еле устоял на месте и удержал своего Змея внутри. Её аромат сбивал с ног.

«Не дыши», – мысленно посоветовал Сайф. «Иначе перекинешься».

И так понимал, что вторая ипостась буйствовала внутри и вырывалась наружу. Начиналась трансформация. Чувствовал, как сводило мышцы ног. Задержал дыхание. Сознание прояснилось. Змей шипел и недовольно ворочался. Я дышал через раз. Сжал до побеления кулаки, напрягся, словно пружина.

жина, будто подготовился к броску.

Коронация завершилась. От позорных мыслей меня отвлекло чудо-событие: сапфиры первой царицы Нагалоки Мирославы, из светлого народа, признали в Лизе свою хозяйку. Такого мы с братьями предвидеть не могли. Получалось, что тиара в буквальном смысле раскрыла Лизу перед всеми. Указала на истинное происхождение молодой махарани, на её благословенную кровь.

К счастью, общество Паталы не придало большого значения знамению. Восхищение и страх склонили непокорные головы, но устоявшие, закоренелые стереотипы змеинога разума победили очевидный знак, и этому подыграли мы с сестрой и братом.

Как только рассеялось голубое свечение сапфиров, Сайф вослед исчезающей магической дымке запустил в воздух хоровод болотных лилий, а я сотворил миниатюрные фонтанчики из тоненьких струек воды, выходящие из середины каждого цветка. Сама же послала искры фейерверка под свод тронного зала. Приглашённые отвлеклись на шоу над головами махараны и махарани и позабыли о магии сапфиров.

Магичить совместно с братом и сестрой – увлекательное занятие. На время я позабыл о дурмане невестки. Когда начался бал, наваждение вернулось...

Меня сводило судорогой от желания, когда я наблюдал, как Лиза кружилась в танце со старшим братом. Ещё это

её платье! Давлет, конечно, постарался открыто всем продемонстрировать своё право на жену. Уверен, он сам выбрал для неё такой наряд! В декольте на левой лопатке у Лизы красовалось имя старшего брата на праязыке. Это своеобразная метка принадлежности женщины своему мужчине. Ещё она свидетельствует о чистоте их брака и правильности совершения обряда. Если женщина порочна, метка не проявляется. Маслица подлил в и так разбушевавшийся огонь малой: «Кстати, ты в курсе, что на куколке есть и наши имена?»

Как же ненавижу себя за то, что Змей в итоге одержал верх над разумом! Я проявил коварство, сыграл на доверии девушки, выманил из дворца и чуть не взял силой жену брата. Какой же я мерзавец! Нет мне прощения ни здесь, ни в любом другом мире! Я жалок, слаб, эксцентричен и не сдержан. Чуть не погубил мою девочку! Как бы она жила потом с этим?

Почему нельзя умереть от мук совести? Сейчас я бы уже нашёл успокоение для себя. К сожалению, нагу мало самобичевания, особенно когда тебя совсем не осуждают за содеянное, а прощают и даже благодарят.

Да! Давлет меня простил, хотя я ожидал, что брат вызовет на бой, ведь я нанёс оскорбление махарани, покусился на сокровенное. После случая в айатане моя совесть не позволила бы мне честно выступить против брата. Я уже решил, что смиренно приму позорную смерть или что-нибудь другое, чем изволит наказать меня махарана.

Брат же простил. Он объяснил, что виной всему совершённый ритуал, когда мы втроём вытаскивали Лизу с того света. Это было сродни брачному обряду. Не один я потерял голову. Несколькими часами ранее похожим образом отреагировал Сайф, только Давлет оказался рядом и предотвратил нападение. Лиза даже понять не успела, какой опасности подвергалась. Подумала, что братья просто силой помериться захотели. Вот почему малой мне советовал не дышать!

Мне же не повезло. Я напугал бедняжку, заставил пережить страшные минуты, да и сам предстал перед ней во всей своей «одурительной» красе. Как же мне теперь ей в глаза смотреть?!

Глава 2. Назад в прошлое

«Мы выбираем не случайно друг друга.

Мы встречаем только тех,

кто уже существует в нашем подсознании»

3. Фрейд

Ещё в эпоху Двух Лун сыновья Неба определили жить на-гам в Патале. На Земле же поселились асы, а постепенно и другие народы, искавшие убежища от разбушевавшихся во Вселенной Тёмных сил.

У Земли имелась естественная защита, создаваемая двумя лунами. Пекло не могло проникнуть сквозь неё. Впоследствии щит укрепился силой третьей луны, оставшейся от Деи⁶.

Однако предводитель Тьмы нашёл способ преодолеть барьер. Силы Пекла⁷ захватили малую луну⁸. Над Мидгардом⁹ нависла угроза. Чтобы уничтожить врага, асы разрушили Лелю. На планете произошла катастрофа. Воды Голубой луны низверглись на Землю и потопили многие континенты.

Остров, на котором проживали четыре народа светлой

⁶ Дея – погибшая планета в Солнечной системе (Фазтон). Подробно о Дее в книге «Песня сердца 2».

⁷ Пекло – силы тьмы, зло.

⁸ Малая луна – Леля, голубая луна (отсылка на славяно-арийские веда).

⁹ Мидгард – планета Земля.

крови, бесследно ушёл под воду. Асы предвидели катастрофу, силы стихий помогли многим спастись. Воины поднялись на вайтманах¹⁰ в небо, чтобы сразиться с врагом. Оставшиеся люди спасались на виманах¹¹. Однако часть рода, решив, что нет места во Вселенной, куда бы ни проникло зло, подняло в небо вайтмару¹² и отправилось на Прародину. Так закончилась эпоха Трёх лун, и наступила новая – эпоха Утраченной Лели или Потерянной Луны.

Те, кто выжил и победил врага, обосновались на Большом континенте, у подножья Рипейных гор в долинах трёх рек¹³.

Эту землю они называли в честь двух покровителей, прибывших с Прародины на помощь в сложный час для асов. Благодаря им воины из харов, даров, туле и сваргов одолели врага в небе и отстояли своё право на Землю. То были брат с сестрой – Тара и Тарх¹⁴, сильнейшие из наставников и глубоко почитаемые благословенным народом Мидгарда.

Уважение и преклонение перед ними сохранилось в древних песнях и легендах асов. Спустя века Тару и Тарха потом-

¹⁰ Вайтмана – летающий аппарат (подробнее в книге «Песня сердца 2»).

¹¹ Виман – лёгкий летающий аппарат (подробнее в книге «Песня сердца 2»).

¹² Вайтмара – гигантский космический корабль (подробнее в книге «Песня сердца 2»).

¹³ В этой части текста и далее автор ссылается на повествование в славяно-арийских ведах.

¹⁴ Богиня Тара – по одной из версий, дочь бога Перуна и младшая сестра бога Тарха, названного Дажьбогом.

ки четырёх родов воспринимали как богов. Землю же называли Таратархия¹⁵.

Благословенной оказалась страна асов, расширялась на восток, запад и юг. Хары ушли далеко вглубь земель и расположились в Горячих горах у Прохладного океана. Дары поселились по соседству вокруг большого пресноводного водоёма. Туле спустились на юг. Сварги оставались подле Рипейных гор. Государство асов стало необъятным. Другие народы Мидгарда уважали их за силу, мудрость и крепость духа. Многие почитали за богов. Причиной тому не только божественные способности, но и союз с истинными защитниками Земли.

Древние Змеи – первоначальные хранители Мидгарда, их потомки, наги – продолжатели. В мифах и легендах разных народов и сегодня встречаются похожие сказания, якобы юных дев приносили в жертву неизвестному чудищу: у одних морской монстр, у других – злой дракон, у третьих – Чернозмей. Немало сказок сложено об этом. А ведь на пустом месте истории не возникают.

Основатель династии Королевской Кобры – Умар, внук Змея Шанкхи, сильнейший наг. Он единственный обладал дарами асов, которые унаследовал от своего отца Светомира Марова из рода туле.

¹⁵ Таратархия – ср. Тартария.

Умара сильно тянуло в верхний мир. Наг любил всё, что имело отношение к асам. Зов крови притягивал его к этому народу. Внук Шанкхи понимал, что таким существам, как он не следовало находиться рядом с человеческими поселениями, ведь Змеям и их потомкам определено проживание в Патале. Однако ничего нельзя поделать с тягой к себе подобным.

Однажды, гуляя в лесу неподалёку от поселения сваргов в мире людей, Умар услышал звонкий девичий голосок. Набросив на себя невидимость, пошёл на звук, похожий на трель соловья. На небольшой лесной полянке заметил девушку в льняном синем сарафане, длинной светло-русой косой с вплетённой голубой ленточкой. Девушка общалась с птицами, клюющими зёрнышки с её ладошки. Она так увлечённо на них смотрела, что, казалось, совсем не замечала, как вокруг собрались не только птицы, но и белочки присели полукругом, шагах в пяти. Кроткие зайчишки выглядели из-за деревьев и боролись со своим опасением подойти. Заячье любопытство одержало верх, и они осторожными прыжками подбирались ближе к девушке.

За столь сказочной сценой с изумлением наблюдал Умар. Его сердце намертво приклеилось к деве. В том, что она из асов, не возникло сомнений. Он даже точно мог сказать, к какому именно роду принадлежала красавица. Асы носили отличительные знаки. Цвет сваргов – синий в тон глаз.

Умар не знал своего отца. Мама рассказывала, что он был одним из асов. Где-то среди туле жили единокровные брат и сестра Умара, но нагу строго-настрога запрещено искать с ними встречи:

– Они никогда тебя не примут, – говорила ему мать. – Мы для них чудовища, животные. Даже не надейся.

В душе Умар не соглашался с родительницей. Он не понимал, чем именно наги не угодили асам. Туле, сварги, хары, дары не жители Деи. Деянцы уже давно поселились в Мидгарде. Соотечественники бабушки Маруки преодолели страх и перебрались на Голубую планету. Наги не тревожили никого из людей Земли.

Опасность настоящего часто вытесняет страшилки прошлого. Когда Дее грозило уничтожение, никто не вспомнил о Нечто¹⁶, обитавшем на Земле. Все позабыли о давних исчезновениях женщин. Столько уж лет прошло. Свидетелей не осталось в живых.

Деянцы переселились в Мидгард так же, как и ореянцы. В результате очередной войны с Деей произошла катастрофа. В недрах этой земли давно назревало напряжение, жители мало заботились о планете. Наступил такой день, когда Дея не выдержала. Тёмные силы атаковали и нанесли сокрушительный удар, отчего сердце земли остановилось. Планета раскололась на миллионы частей. Много людей погибло в той страшной катастрофе, но были и те, кому удалось спа-

¹⁶ Об этом подробно рассказывается во второй части саги «Песня сердца 2».

стись. Они перебрались в Мидгард. Наступила эпоха Трёх Лун.

В северной части планеты асы заселили большой остров, в центре которого высилась гора Меру, и четыре реки несли свои воды к ней. Землю благословенного народа в эпоху Трёх лун называли Страной Северного ветра, сами же жители именовали её Дарией.

Деянцы поселились намного южнее и образовали свою цивилизацию. К тому времени наги изредка появлялись на поверхности, но пребывали в человеческом обличье. Скрывая свою сущность, они помогали деянцам. Видимо, в душе каждого змея жил зов крови, ведь именно деянки породили полузмей-полулюдей. Возможно, наги пытались так загладить вину своих праотцов, которые в первый раз встретили пришельцев своеобразно, далеко не гостеприимно.

Случались и браки между деянками и нагами. Нагини всё ещё оставались диковинками. С появлением на земле деянок змеи постепенно стали отходить от полиандрии. Больше они не похищали девушек. Браки совершались по согласию. Союз с человеком заключался только моногамным. Деянки на своей земле устали от полигинии, поэтому радовались, когда на них обращали внимание красавцы-мужчины, и даже тот факт, что временами они отращивали змеиный хвост, не смущал переселенков. Однако внука Шанкхи Чёрного влекло к асам.

Девушка почувствовала Умара сразу, стоило ему приблизиться к краю поляны. Даже невидимость не помогла остаться незамеченным. Нага девушка не видела, зато прекрасно слышала все его мысли и эмоции, легко определила, в каком месте он стоял, о чём думал и кем по своей сути являлся.

Сначала девица насторожилась и даже испугалась, ведь она ничего не слышала ни о нагах, ни о Патале. Об этом она узнала, проникнув в голову Умара. Там же и имя его прочла. Наг попытался прочитать и её, но встретил щит.

– Выйди! – вдруг произнесла она и посмотрела туда, где стоял невидимый Умар. – Выйди и покажись! Я знаю, ты давно наблюдаешь за мной. Не пытайся проникнуть ко мне в голову. Тебе это не под силу! Я знаю, ты наг. Хочу посмотреть на тебя, что ты такое.

Умар скинул невидимость и предстал перед девицей в человеческом облике. Не хотелось пугать зверьков да и девушку тоже. Хотя она и видела истинную ипостась через сознание, вряд ли могла спокойно лицезреть воочию.

Сварга внимательно осмотрела появившегося перед ней молодца. Высок, широкоплеч, приятен, в просторных, льняных, светлых шароварах, в чёрной препоясанной рубаше и сандалиях из блёклой чешуйчатой кожи. Чёрно-смоляные волосы до плеч поблёскивали в солнечных лучах, золотистые глаза светились любопытством.

– Мирослава, – произнесла девушка, – можно коротко

Мира.

– Умар, – прозвучал низкий голос.

– Ты наг?

– Да.

– Вы умеете проникать в мысли?

Умар усмехнулся:

– У меня не совсем получилось. Ты подловила сразу.

– Ты не ответил.

– Из всех нагов умею только я, но с тобой не вышло.

– Я из сваргов. У нас особый щит.

– Ясно.

Девушка опустилась на траву, поджав под себя ноги, и хлопала рядом с собой, приглашая нового знакомого присесть. Умар устроился напротив.

– Как ты оказался здесь? В моём народе говорили, что, кроме нас, деянцев и ореянцев, на Голубой Земле никого нет, но мы первые заселили планету.

– Не совсем так, – скромно ответил Умар. Он рассказал Мирославе всю предысторию, а потом поведал и о своём происхождении.

– Твоим отцом был туле? А твоя бабушка деянка? – Мирослава округлила глаза.

– Верно.

– То есть ты больше человек, нежели Змей?

– Наверно. Я не сильно задумывался над этим. Вокруг меня больше нагов. Змей в нашей семье только дед.

– Как интересно. Вот бы посмотреть на твою семью...

– А ты хотела бы? – удивился и обрадовался одновременно Умар.

– Да, интересно же!

– Боюсь, сейчас невозможно.

– Почему?

– В Паталу человеку нельзя. Переход тебя убьёт.

– Убьёт?

– Да. Это совсем другой мир, понимаешь?

– Если человеку в Паталу нельзя, как же тогда жили твои родители?

– Они жили на Земле. Это и погубило их.

– А почему вам можно перемещаться между мирами?

– Мы хранители Земли, хотя и обитаем в Патале, но следим за всем, что происходит здесь.

– Где же вы были, когда случилась катастрофа? Когда погибла Леля? А наша Дария скрылась под водами океана?

– Мы ответственны за сохранность жизни на Мидгарде, но наги не участвуют в войнах. В своё время Древние Змеи сделали всё, чтобы Зло не проникло сюда. На заре времён здесь резвились апсары и сходили повеселиться гандхарвы. Мидгард являлся самым безопасным местом на планете. Однако с течением времени многое поменялось. Вы сами разрушили Малую Луну и хочется верить, что сделали это из добрых побуждений. Невидимый купол Мидгарда ослаб. Фата не может в полной мере заменить Лелю. А большинству нагов до

недавнего времени не позволялось приближаться к людям.

– Почему?

– Провинились давным-давно... Тёмное дело. Не стоит о нём толковать, – отмахнулся Умар.

Мирослава выяснила всё через мысли собеседника. Умар не умел пользоваться защитой. Никто не учил его этому. Узнав истину, девушка согласно кивнула:

– Не стоит так не стоит.

На несколько мгновений повисла тишина. Затем девица спросила:

– Как ты меня нашёл?

Мирослава уже и так знала ответ, однако ей хотелось послушать, что скажет Умар.

– Услышал твой голос и пошёл на него.

– Мой голос?

– Да. Ты разговаривала с птицами.

– Невозможно. Я делала это на особой волне.

Умар улыбнулся:

– Но я слышал. Ты пела им. Голос твой, как трель соловья.

– Верно. Но как это возможно? Ты же не смог проникнуть ко мне в мысли!

– Не смог. Но голос слышал и пошёл на него. Я наблюдал за тобой...

– Это я знаю, – Мирослава смущённо опустила глаза.

Она не только понимала, что за ней следят, но и ведала мысли наблюдающего, которые пришлись ей по душе. Умар был очарован. Какой девушке не приятно узнать такое?

– Я только попробовал проникнуть к тебе в сознание, но ты сразу меня вычислила...

– О наблюдении знала гораздо раньше твоей попытки. Просто не показывала этого, – повинилась Мирослава и губы покраснела.

– Как же? Я же невидимым был?

– Был. У тебя мысли громкие, – улыбнулась девушка.

Лицо Умара вытянулось. Он уронил голову на ладони:

– Надо было ещё и тишину накинуть, – пробубнил. Потом поднял лицо, внимательно посмотрел на девушку:

– Ты ведь всё знаешь...

Мирослава кивнула и смущённо прикусила нижнюю губу.

И снова наступило молчание.

– Я пойду, наверно. – Умар поднялся на ноги, пряча глаза.

– Ты не хочешь уходить, – остановила Мирослава.

Наг оглянулся.

– Прошу, задержись, – молвила она.

И Умар остался...

Глава 3. Жизнь в страхе

«Отчаяние – это страх без надежды»

Рене Декарт

Сафи

Моя жизнь – это нескончаемая череда ужасных событий. Я часто задаюсь вопросом, зачем Бог попустил мне родиться в этот мир? Неужели Ему нравится наблюдать за страданиями никому не нужной сиротки?! За что мне всё это?

Я, Сафи Асланова, дочь главы рода Огненных нагов, одного из древних царских домов. Мой предок Змей Такшака Отважный – родоначальник Огненных. Когда-то он взял в жёны дочь Шанкхи Чёрного Шани. От их союза произошли многочисленные наги, отличавшиеся от всех остальных смелостью, буйным нравом и пламенеющим сердцем. В потомках Такшаки, как и в нём самом, горел неукротимый огонь справедливости, его месть быстро настигала обидчиков. Во гневе Змей становился коварным, его речи сбивали с толку любого мудреца. Такшака всегда добивался своего, чего бы это ему ни стоило. Для него не существовало преград.

Отважный Змей сделался царём Нагалоки, одним из четырёх. Господствовал он на юго-востоке Паталы. Перед Такшакой преклонялись Багровые, Аспидные и Василиски.

Мой предок прославился не только отвагой и доблестью, но и заслужил всеобщую ненависть, потому что сделался

первым убийцей человека, а это повлекло за собой наказание. Великое жертвоприношение змей – страшная расплата за смерть одного человека¹⁷.

Не изменить того, что случилось. Кто я такая, чтобы осуждать Такшаку Отважного, моего прославленного предка, грозного, ядовитого и некогда бессмертного Змея. Неизвестно, как бы я поступила на его месте, если бы кто-то непочтительно отнёсся к моим родным.

Наш род долго презирали за скоропалительный поступок Такшаки. После Великого жертвоприношения в Нагалоки спустились суры и велели избрать единого царя. На тот момент в живых из сильных представителей истинных нагов остались только Лунные и Сапфировые. В результате единым правителем Нагалоки сделался потомок Шанкхи Чёрного из династии Королевской Кобры, Мансур Умаров.

Так окончилась слава моих Огненных предков. Они навсегда лишились права претендовать на престол. Однако со временем многое меняется.

Мой отец Радул Асланов охвачен безумной идеей вернуть трон. Он считает, что глава Огненных – единственные, кто достоин управления Паталой. Радул совершенно забыл о том, что изначально у нагов вообще не было царя, а когда возникла такая необходимость, то избрали четверых: по представителю от каждого рода истинных. Двенадцать зме-

¹⁷ Здесь автор ссылается на древнеиндийский эпос Махабхарату, сказание о Великом жертвоприношении.

иных народов находились в подчинении у Древних. Так сложилось исторически.

Радул ни о чём слышать не хочет. Он уверен в одном, что вполне может прибрать власть к рукам и идёт по головам напролом к своей цели, не брезгует никакими методами.

Отец и меня мучит. Не понимаю почему.

Сафи

Маму помню смутно. Иногда во сне ко мне приходит её образ: высокая, статная, с пышными длинными волосами цвета меди. Лица не вижу, но почему-то кажется, что оно прелестнее, чем у тётки Мадина, с большими тёмно-кариими глазами, словно вишни. Мама умерла, когда мне исполнилось пять лет. Сказали, что на неё напала змеиная хворь.

После смерти мамы Радул с лёгкостью отдал меня на воспитание родной тётке. Самые счастливые пять лет моей жизни!

Моя тётя – Мадина Арманова из рода Медных нагов заменила мне маму, а её муж Ильдар Ильясов стал для меня настоящим отцом. Плохо представляю, какими бывают отцы, и как относятся к дочерям, но я почему-то уверена, что они точно похожи на дядю, а не на того нага, который им называется.

Ильдар Ильясов – глава рода Медных, мудрый, рассудительный и добрый. А разве мог бы он быть другим, когда рядом моя тётя? Мадина меня любила, как родную дочь. Ко-

гда меня забрали дядя и тётя, у них уже был сын шести лет, Абишек. Мы с ним всё время играли в детстве. Я привязалась к мальчику, как к родному брату... Хотя нет... Не так! Просто полюбила его настолько же сильно, как тётю и дядю. Абишек стал неотъемлемой частичкой меня самой. Может, искренние братские чувства именно такие. Я не знаю. К своему же родному брату я ничего подобного не испытываю.

Азиз – это мой кошмар, который будет преследовать меня, пожалуй, всю жизнь. Он не отстанет. За что мне это? Неужели все старшие братья – мерзавцы? Абишек же другой, хотя и старше меня. Или он просто такой, потому что кузен? Нет. Не верю. Абишек хороший, а вот Азиз...

Порой я задумываюсь, а не отправиться ли мне побыстрее к маме? Зачем мне вообще жить? Я бы на всё пошла, лишь бы не видеть наглую физиономию брата! Как мама могла родить такого уроды?

Сафи

У тёти Мадины я прожила пять лет, а потом со мной произошёл странный случай. Однажды я билась с Абишеком в саду. Он учил меня сражаться на деревянных мечях. А во что ещё можно играть с одиннадцатилетним кузеном?

Мы оба приняли змеиную ипостась, так у нас больше силы. Внезапно мне сделалось плохо: потемнело в глазах, и я увидела языки пламени и вопли. Сначала закричал кузен, а потом и слуги. Я же только ощутила чрезмерную слабость и

потеряла сознание.

После мне рассказали, что мой меч внезапно воспламенился. Огонь подбирался к рукам. Абишек закричал, чтобы я отбросила горевшую деревяшку, но мой взгляд затуманился, и я упала в обморок, крепко сжимая пылающее оружие. Кузен выдернул меч у меня из рук и обжёгся. Следы от ожогов и сейчас видны на ладонях брата, но он шутит, что шрамы мужчину украшают.

Тётя Мадина не могла не сообщить о моём припадке Радулу. Отец с величайшим скандалом забрал меня домой, и начался мой кошмар.

Сперва он держал меня взаперти, а потом отправился со мной из Паталы в Верхний мир и показал странному человеку. Радул представил его как доктора. Мужчина запомнился мне тем, что не понравился внешне.

Я привыкла к нагам. Все они высокие, хорошо сложены и обладают приятными чертами лица: в меру крупные глаза, густые ресницы, брови правильной формы, ровный, аккуратный нос, золотисто-смугловатая кожа, хотя и не у всех. Этот же мужчина обладал совершенно чёрными глазами. Складывалось впечатление, что у него отсутствовали зрачки. Больше всего мне запомнился цвет его кожи – тёмный. Нет, не такой, как у африканца, не чёрный, а асфальтно-серый. На лице доктора выделялся широкий приплюснутый нос, раздувающиеся ноздри. Мне сделалось страшно. Казалось, что он готов был съесть меня живьём. Тогда я ещё не знала, на-

сколько Радул Асланов подлый. Я только вернулась в родной дом и доверяла отцу во всё.

Испугавшись доктора, спряталась за спину Радула. Они о чём-то говорили, но я мало что понимала из этой беседы. Отчётливо врезалось в память лишь одно слово «глушить».

Спустя два дня отец принёс мне капли и сказал, что у меня такая же болезнь, от которой умерла мама – змеиная хворь. Я должна принимать капли два раза в день: утром и вечером. Если буду хорошей девочкой и всё исполнять в точности, то отец обещал больше не запираить в спальней. Более того, устроит в престижную женскую школу-пансион. Там учились нагини Паталы из знатных змеиных родов.

Я послушалась, поверила, что больна, и принимала исправно капли. Когда один флакон заканчивался, отец приносил новый. И действительно начала ощущать себя больной. Быстро уставала, часто кружилась голова. Пропал прежний аппетит. Я сильно исхудала.

Радул постоянно твердил, что капли необходимы мне, чтобы продолжать жить. Если я прекращу их пить, то умру, как мама. Я верила отцу. А кому ещё мне оставалось верить?

К тётке Мадине больше не отпускал. Даже видаться не разрешал нам. Радул обвинял её в моей болезни, говорил, что недоглядела, грозился убить всех, если хотя бы приблизятся ко мне.

Отец устроил меня в закрытую школу, как и обещал.

Не скажу, что жизнь моя засияла новыми красками. Нет!

Элитное образовательное учреждение оказалось безликим, с серыми стенами и угрюмыми преподавателями, строгими, а порою чересчур жестокими воспитателями.

Ученицам не разрешалось резвиться даже в свободное время. Мы должны были всегда размеренно ходить, и не дай Бог ослушаться. Жизнь в школе не была безоблачной, но там я чувствовала себя в безопасности. О родном доме такого сказать не могла.

Сафи

– Ты, жалкая тварь! – глаза Азиза сверкали гневом в темноте.

Брат затащил меня в подвал. Мне тогда было всего четырнадцать лет. Я приехала домой на летние каникулы и в первый же день попалась братцу на глаза.

Азизу уже 24! У нагов обострённый нюх, сперва мы чуем возбуждение, а потом замечаем внешние проявления. В тот день от Азиза просто несло похотью. Я это поняла сразу, как только вышла из своей комнаты и столкнулась с ним на лестничной клетке. Хотела повернуть назад и убежать от брата, спрятаться за дверь и запереться на замок, но Азиз оказался быстрее. Сцапал меня, зажал рот и потащил к чёрному ходу. Там располагалась лестница, ведущая в подвал. Я даже закричать не могла.

Он затащил меня в каморку, где хранились швабры, запер дверь изнутри, застопорив замок при помощи одной из них,

и полез лапать меня.

– У тебя сисек-то нет! Ну и уродина же ты, сестрёнка! Ты девчонка вообще?

– Убери руки! Что творишь, Азиз? – закричала, но он снова зажал мне рот своей широкой ладонью. Второй рукой продолжал шарить по моему телу.

– А может, ты пацан, и у тебя краник между ног? А? Дай проверю! – и он засунул руку мне под юбку.

От унижения брызнули слёзы. Не помня себя, я умудрилась вывернуться и укусить Азиза за ладонь, и пока он отвлёкся на боль, я завизжала. Брат сильно ударил меня по лицу:

– Заткнись, мразь! Я ещё не закончил! – снова запустил руку под юбку и зашарил по трусикам. Он искал возможности поднырнуть под ткань, но на мне надеты плотные шортики.

– Тьфу! Ты рейтузы, что ли, как бабка носишь?

Ловко сыграла коленкой вверх, и мой мерзопакостный братец сложился пополам. Рванула швабру и огрела его по спине. Мной овладела такая злость, что откуда-то взялась далеко не женская сила. Я переломила швабру о хребет Азиза и сорвала дверь с петель. Выскочила из тесного подвального чулана и со злыми слезами побежала в свою комнату – единственное место, где брат не мог меня достать.

Однако Азиз поднял такой вопль, извратил ситуацию и обернул всё против меня.

Не успела я запереться и отдышаться, как в дверь постучался разъярённый глава дома. Отец набросился на меня с ругательствами и мерзкими обвинениями. Будто я ни с того, ни с сего первая набросилась на Азиза с поцелуями, а когда брат, оскорблённый моей порочностью, отказал, я избивала его и покусилась на святое – возможность продолжать род. Какими только грязными словами не называл меня Радул. От нецензурных выражений в мой адрес я покрылась красными пятнами, тряслась от ярости и несправедливости. Попыталась объяснить, что Азиз сказал неправду: жертва я, но мои слова остались не услышанными. Из коридора ухмылялась наглая физиономия Азиза и будто говорила: «Видишь, кто здесь главный! Со мной лучше дружить!»

В тот день отец наказал меня, оставил без еды и воды на целые сутки.

Я проплакала весь день. Какой же несчастной тогда чувствовала себя. Всю ночь я шептала: «Мама, мамочка, забери меня! Зачем я живу? Я не хочу этого мира. Что меня ждёт?»

Сафи

Попытки насилия со стороны брата не прекращались. Стоило мне только попасться Азизу на глаза, когда поблизости не видно ни слуг, ни родителя, всё повторялось. Каждый раз его притязания становились более смелыми.

Первое столкновение с братом научило меня больше не носить платья дома. Моей излюбленной одеждой стали уз-

кие плотные джинсы с потайным боковым замком. Азиза они страшно раздражали, поскольку брат раз за разом терпел неудачу в своих попытках их стянуть, при этом я, конечно, не стояла безвольным столбом. Мои коленки привычным движением попадали в уязвимое место. Отбивалась и убегала в комнату, а потом всё это происходило по известному сценарию. Отец наказывал меня. Жалобы на Радула не действовали. Он обзывал меня испорченной, пошлой и другими грубыми словами, описывающими моё поведение по отношению к Азизу.

Жизнь превратилась в кошмар. Всё лето провела взаперти в своей комнате. Выходила исключительно в сопровождении горничной и просила экономку довести меня обратно. В тот год я уезжала в школу, испытывая невероятное счастье.

Школьное общежитие с его скучными серыми стенами стало для меня безопасным приютом. С сентября я снова смогла свободно гулять где хотела: по зданию, во дворе. Наконец-то некого опасаться.

Подруг у меня не было. Несмотря на то, что я считалась дочерью главы одного из богатейших родов среди нагов, Радул не сильно раскошеливался на моё содержание. Он платил за школу, обеспечивал меня необходимой одеждой, но без излишеств. Меня не баловали так, как других юных нагинь. Мне не покупали брендовые вещи, я не носила драгоценностей.

Помню, когда жила у тёти Мадины, дядя Ильдар дарил

мне украшения: серьги, подвески на цепочках, браслеты. У нагов принято покупать золото и камни своим женщинам: жёнам, дочерям, сёстрам, матерям...

Когда Радул забрал меня домой, изъял все драгоценности, даже те, что находились на мне. Грубо вынул из ушей серьги и сорвал с безгловым видом цепочку и браслеты со словами:

– Не смей брать подношения низших! Только отец может дарить золото дочери.

Однако за все почти восемнадцать лет моей жизни Радул так ничего и не подарил.

В пансионе с первого дня все посчитали меня нищенкой. В женском коллективе любят глазами. Если на тебе нет золота, и ходишь в дешёвой одежде – значит, неудачница. Тебя не любит собственный отец. Ведь даже у самой простой нагини не из знатного рода и далеко не богатой семьи (по нашим меркам!), уж граммов двести золота всегда имелось в шкатулке. Появиться в школе для благородных нагинь без серёг в ушах и без браслетов на запястьях – сродни прийти голой и облитой дёгтем.

Кто захочет дружить с девочкой, которая даже собственному отцу не нужна? Никто.

Так произошло и со мной.

Единственная нагиня, которой в силу быта приходилось перекидываться со мной несколькими фразами, была моя соседка по комнате Наина из рода Медных. Она приходилась

дальней родственницей дяде Ильдару, чем очень гордилась. Наина не сразу поверила, что я дочь Огненного и племянница Медного, уж слишком жалко я выглядела. Однако фамилию не спрячешь, как волосы и змеиный хвост, которые ярче всего подтверждали мои слова.

У меня копна рыжих непослушных волос, которые не отрезала лет с пяти. Все Огненные наги отличаются от прочих своей яркой внешностью из-за цвета волос от коричнево-красного до огненно-жёлтого, и, как правило, все они веснушчатые, но только не я. Кожа мне досталась чистая и светлая. Удивительно, в кого я? У Медных цвет лица смуглый, золотистый, как и у большинства змей. Волосы мне достались от отца, а вот глаза...

У Радула, как у Азиза и других наших родственников, глаза орехово-карие, а у мамы... К сожалению, не помню. Наверняка, у неё были такие же, как и у Мадины, тёмные, словно вишни, ведь они родные сёстры. У меня же глаза серо-зелёные, хамелеоны. Когда вокруг синева – металлическо-серые, когда же зелень – отсвечивают изумрудным.

На территории школы-пансиона находилась айатана¹⁸. Многие наги, стараясь подражать царю, воспринимали храм четырёх стихий, как место духовного очищения. В школьной айатане не проводилось никаких особенных ритуалов, но ученицам обязательно раз в день предписано пятнадцать

¹⁸ Айатана – храм четырёх стихий. Подробнее о нем рассказывается в первой книге саги «Песня сердца».

минут проводить в храме наедине с собственными мыслями. Входить туда полагалось в истинном змеином обличи. Нации редко демонстрируют свой хвост. В нашем обществе это слишком интимный жест. Существует ряд случаев, когда вторая ипостась женщин обязательна. Однако всё же большую часть жизни мы проводим в человеческом обличи. С мужчинами дело обстоит иначе. Они чаще демонстрируют свою силу, а для этого больше всего подходит вторая ипостась.

Айатана пансиона стала моим излюбленным местом. Я проводила там часы, размышляя над собственной судьбой. Совсем ничего не знала о том, для чего нужен этот храм. В моём доме такого не было, по крайней мере, в парковой зоне нашего поместья ничего подобного не замечала.

Почему-то меня тянуло в айатану. Там я чувствовала себя сильной и способной победить любого, кто меня обидит, но так казалось только в храме. На самом деле, я болела и была слабой, постоянно утомлялась. После того как вынесли вердикт – змеиная хворь, от которой умерла мама – исправно начала принимать капли. Их приносил отец. Смерти я боялась.

Однако присутствие болезни всё же ощущала в своём теле. С годами она стала проявляться и внешне. Я сильно исхудала и совсем не развивалась физически. Ростом вытянулась, а вот с округлостями и другими делами беда. Девчонки в общезитии, когда приезжали из дома после каникул, ме-

рились бюстами, хвастались кружевным бельём, сравнивали попы. Я же оставалась долговязым ребёнком. За глаза меня называли «гремучими костями», «недорослью», «доской», а в глаза... Кроме как «длинная» или «долговязая», ничего и не слышала. Только соседка Наина и помнила моё имя.

Однажды я сидела в комнате одна, учила уроки. Вдруг в дверь постучали. Открыла. На пороге стояла моя одноклассница Азалия с растерянным лицом:

– Долговязая, привет! У тебя эта... – замялась девушка, – прокладки нет? – добавила шёпотом.

Я понимала, о чём спрашивает Азалия и для чего, но у меня действительно не было подобных вещичек, потому что не нужны.

– Прости, Азалия, у меня нет. Может, у Наины есть, но она в айтане, а по чужим вещам лазить неудобно, понимаешь? Извини.

– То есть как это? У тебя женских дней нет?

Я покрутила головой.

Новость облетела пансион за час. К моим обзывательствам добавилось ещё: «ущербная», «бесчревная», «пустышка». Смотрели на меня теперь исключительно с жалостью, как на инвалида. Среди нагинь прослыть бесплодной приравнялось к позору и клейму. За что мне всё это?

Я тихонько плакала в подушку по ночам. Украдкой вытирала слёзы, когда слышала за спиной шёпот и обидные слова. Своё одиночество я воспринимала как неизбежную дан-

ность.

Мама, мамочка! Почему ты меня покинула так рано? Как же ты мне нужна, любимая!

Лишь в айатане находила утешение.

Сафи

В тот год, когда Азиз впервые напал на меня, после самого кошмарного лета в моей жизни, я приехала в школу другой. Полюбила здесь всё и всех, даже шёпот за спиной, даже жалкие взгляды, даже свои клички. Я нашла способ не уезжать домой на осенние и весенние каникулы. Специально провалила основной предмет. Литературу обожала. Читала всё время, сколько себя помню, рано стала вести дневник и записывать мысли. Нужно же мне общаться с кем-то! Ежедневник сделался лучшим другом, таким же молчаливым, как и я.

Под конец первой четверти я специально провалила контрольные и тесты. Меня оставили неаттестованной, поэтому в дни, отведённые ученикам для отдыха, приходила пересдавать. Учительница по литературе сильно удивилась, когда в каникулы я не только написала всё на «отлично», но и ответила на все дополнительные вопросы. Осенью она ничего не сказала, а вот весной вызвала меня на открытый разговор.

Я не смогла промолчать. Впервые обрадовалась, что кто-то проявил ко мне неподдельный интерес. Я всё рассказала. Повела о том, что Азиз домогался меня летом, а также о

том, что чуть не произошла беда на Новый год, когда никто не оставался в школе для принятия пересдачи.

Сафи

Зимой мой трюк с неудовлетворительными отметками не прошёл. Хотя я нахватала намеренно много плохих оценок (рассчитала на две недели), меня всё равно отправили домой, потому что в праздники учителя уезжали из школы. Пересдачу перенесли на третью четверть. Как же я не хотела туда ехать! И не зря!

В родной Очаг¹⁹ возвращалась с диким чувством отвращения внутри. Первые три дня, как обычно, провела в своей комнате взаперти. Попросила, чтобы еду подавали в спальню.

Приближался неумолимо Новый год. В доме собирали застолье, на которое пригласили близких родственников и друзей. Я была бы счастлива, если бы среди них оказалась тётя Мадина, но Радул никогда не приглашал Медных в Очаг. Только те Огненные вхожи в наш дом, чьи интересы и взгляды не противоречили главе рода. Если кто-то позволял себе открыто усомниться в том, что вознамерился совершить Радул, сразу попадал в немилость и удалялся от нашего поместья. В результате среди приглашённых родственников со стороны Огненных остались одни только боковые ветви, очень дальние, сразу даже и не вспомнишь в каком поколе-

¹⁹ Очаг – родовое поместье Огненных.

нии она нам родня. Как говорится, седьмая вода на киселе. Всех можно описать двумя словами: «подхалимы» и «лицемеры».

Мне пришлось спуститься к семейному столу и надеть платье. Мой брат, пошляк, не сводил с меня своих порочных глаз. Боже, как же мне хотелось запереться в комнате до конца каникул и не видеть его наглой физиономии. Однако отец приказал сидеть за общим столом и изображать из себя счастливую и довольную всем дочь.

Моя болезнь не красила меня. Я реалистка. Заглядывала в зеркало и видела отражение. Кроме волос, и смотреть не на что. Скелет обтянут кожей, грубо выступают суставы. На лице некрасиво выделяются огромные водянисто-зелёные глаза навывкате. Я уродина. Прекрасно осознаю это. Чего же тогда хочет от меня Азиз? Неужели у него нет девушки? Почему отец не найдёт ему невесту? Брат симпатичный: яркие ореховые глаза, как у Радула, рыжие волосы, правда, не такие, как у меня, а более тёмные, не кричаще-огненные, впрочем, у Радула такие же. Внешне Азиз почти копия моего отца, вот только наклонности и характер у брата странные. Слишком мерзкий, слишком порочный. Хотя почему я думаю, что Радул лучше? Может, просто не хочу верить, что родной отец способен быть таким же низким?!

Когда я спустилась к столу, там уже собрались все гости.

Все как один с жалостью во взгляде окинули мою фигуру, сдержанно поприветствовали меня.

Сразу вспомнила историю нашей принцессы Самиры Умаровой, с которой случилась беда²⁰. Мне об этом ещё тётя Мадина рассказывала. Родные принцессы сделали всё возможное и невозможное, чтобы оградить её от жалостливых взглядов. Нельзя травмировать человека, который и так пострадал, лицемерным сочувствием.

Да! В Патале не умеют искренне сопереживать. В глаза одно, а за спиной злорадно шипят и перемалывают косточки, радуясь от души чужой беде. Нет ничего приятнее, чем осознавать, что дочь твоего господина – уродина?! А ведь Самира могла бы войти в нашу семью. Она с детства была помолвлена с Азизом. Мой отец расторг помолвку, пошёл на поводу Азиза, потому что тот не захотел некрасивую невесту. Видимо, за это Бог наказал Радула болезнью дочери.

Прекрасно понимаю Самиру и её затворничество. Однако принцессе повезло с родными, а вот мне... Никому в доме нет дела ни до моих чувств, ни до моего здоровья, ни до меня самой. Разве только Азизу я покоя не даю. Не понимаю чем? У него ко мне большой интерес и далеко не братский!

Ужин в новогоднюю ночь прошёл по давно заведённому

²⁰ Частично об истории Самиры рассказывается в первой книге саги «Песня сердца», полная история Самиры ожидает читателя в пятой части «Моя награда».

событию: пустые светские беседы, обмен ничего не значащими фразами, восхищение моей красотой, чтобы польстить главе рода. Меня тошнило от фальши. Одно лишь событие разнообразило ужин. Радул, мой «заботливый» отец объявил, что женится во второй раз. Произнёс пафосную тираду о том, что и так десять лет пребывал в трауре по своей горячо любимой жене Данее, которая безвременно покинула его. Он старался быть ей добрым мужем, с отеческой любовью взрастил её сына Азиза от первого брака.

Да, мой урод-брат вдобавок родной мне только наполовину. Меня мама родила во втором браке с Радулом Аслановым. Её первым мужем был Расул Асланов, старший из двух братьев. Именно Расул и был изначально главой Огненных, однако погиб в Верхнем мире при загадочных обстоятельствах, оставив маму и десятилетнего сына.

Вдова главы рода не могла долго жить одна. Огненным требовался новый лидер. Азиз ещё совсем ребёнок, поэтому деверь поспешно женился на Данее, объясняя всё тем, что никто не станет лучшим отцом Азизу, как родной дядя. И Радул действительно сделался для брата настоящим родителем. Так получилось, что и внешне Азиз сильно походил на дядю. Удивительно даже!

Я же наоборот. На Радула совсем не похожа. Про меня говорили обратное, якобы огненными волосами я пошла в дядю Расула. Сколько раз слышала, как кухарки между собой костерили мою маму, что якобы с двумя братьями ложилась

и детей родила, да перепутала, чей от кого. Как же смешно им было! Такой порочный смех разносился по кухне, будто не о госпоже говорили, а о девке гулящей.

Сейчас мой благородный родитель обращался к своим детям за благословением на новый брак. Я чуть в голос не рассмеялась. Всё так забавно выглядело, будто бы моё возражение что-то изменит. Самое интересное не то, что отец женится, а то на ком. Это особа лет на пять старше меня, и, соответственно, на столько же младше Азиза. Некая дальняя родственница из Огненных, эффектная рыжая девушка, с соблазнительными формами, надутыми губами (полагаю, руку приложил косметолог) и совершенно бестолковыми жёлтыми глазами. В них отражалось лишь подобострастие, пресмыкание перед деньгами отца и больше ничего.

Ничего удивительного. Девочка и её родители хотели высидеться и поправить своё финансовое положение благодаря деньгам моего отца. Усмехнулась. Плохо вы знаете Радула Асланова! Он скорее задушить эту губастую в первую брачную ночь, чем копейку потратит ради благосостояния её родни.

Мои мысли сразу же подтвердились делами. Не услышав возражений со стороны детей, Радул преподнёс невесте подарок на помолвку – браслет. Мой браслет! Тот самый из золота с инкрустированными топазами, который на 10 лет подарили дядя Ильдар и тётя Мадина. Я любила это украше-

ние, просто обожала!

Девушка с накачанными губами поднялась из-за стола и с приклеенной улыбкой протянула руку, чтобы отец надел ей мой браслет. Наряжена она была в платье из золотистой парчи, туго подхватывающего её фигуру. Теперь, когда невеста встала, накачанными мне казались не только губы, но и грудь, которая явно превышала пропорции тела нагини и весила больше положенного. Только одна выходила размером с мою голову. Интересно, у неё спина не болит носить постоянно столь ценный груз?!

Да, во мне тоже есть змеиная язвительность. Я не лишена её, как и все представители моего вида. Да и если учесть все обстоятельства, она вполне обоснована.

Посмотрела на брата. Тот пускал слюни, глядя на декольте нашей будущей мачехи. Ну да!

Радулу следовало бы сначала сына женить, а потом своим счастьем озаботиться. Интересные события развиваются в нашем доме. А может, всё это мне на руку? Внимание Ази-за переключится на красивую, грудастую мачеху. Кстати, как её там зовут? Зиля! Надо запомнить.

Встретив Новый год и посидев за столом ещё минут тридцать, я решила, что с меня станется, пора уходить из этого цирка. По большей мере представление всё же оказалось скучным, кроме помолвки.

Я встала, попрощалась со всеми. Хотела выразить ещё раз

поздравления отцу и его, как её там, Зиле, но не увидела их. Решила, что обойдутся без моего фальшивого поздравления, отправилась в комнату, тем более, мне давно следовало принимать лекарство. Задержалась и так на три часа. Однако до комнаты своей без приключений я не добралась.

Как ему удалось подкрасться ко мне так тихо и незаметно? Наверное, пологом невидимости воспользовался.

Он зажал мне рот и потащил к чёрной лестнице, ведущей в подвал, не в каморку для швабр на этот раз. Азиз всё продумал. Брат уволок меня дальше, ниже на этаж, в подсобное помещение с хорошей звукоизоляцией. Его использовали как котельную. Здесь можно оборотаться, никто наверху не услышит. Азиз пошёл ещё дальше. Для верности ещё полог тишины набросил.

– Ну вот, сестрёнка! Теперь нас точно никто не услышит, а значит, и не помешает. Да и ты так просто от меня не сбежишь. Я дверь заговорил. Тебе её не открыть, разве только взорвать!

Азиз выпустил меня из своего мерзкого захвата. Здесь я никуда от него не денусь. Брат прекрасно это знал.

– Ты уже, наверно, поняла, что отцу нет никакого дела до тебя, сестрёнка. Он сейчас... хм... хм... веселится со своей невестой в библиотеке, прямо на столе вколачивается в её тёплое податливое тело, – Азиз расплылся в сальной улыбке.

Видимо, его воображение рисовало перед ним более красочные картины, чем моё. А может это мягкое тело было бра-

ту уже знакомо? Не удивлюсь.

– Что тебе нужно от меня? – выкрикнула я.

– От тебя? – брат как будто бы удивился. – Любопытно.

– Что любопытно?

– Почему ты всё ещё такая недоразвитая. Видела, какие буфера у Зили?

У Азиза выделилась слюна от упоминания будущей мачехи.

– Отпусти меня. Я не нужна тебе. Я больная, страшная, недоразвитая. Почему бы тебе не обратиться к Зиле? Уверена, она и для тебя место найдёт в своём сердце и шикарном теле.

Азиз фыркнул:

– А ты умная, хоть и страшная. Ну да ладно, давай на тебя посмотрим. Неужели у тебя там всё, как у младенца? То, что ты не пацан, я уже понял в прошлый раз.

Брат похотливо заржал. Я вспомнила, как он пытался забраться ко мне в трусы, и тошнота подступила к горлу.

– Ну давай, покажи мне себя, сестрёнка, – подбадривал Азиз. – Чего робеешь? Помочь?

Он сделал шаг навстречу. Я метнулась от него в сторону и налетела на складную железную лестницу, больно ударилась. Азиз уже стоял рядом и схватил меня за плечо.

– Пусти!

– Нет! Ты не поняла, малышка. Сегодня всё будет, как я хочу. Выйдешь отсюда, когда удовлетворишь моё любопыт-

ство, а может, и что ещё...

– Азиз! – взмолилась, – я же сестра тебе. Так нельзя...

– Мне можно всё, Сафи. Разве ты ещё не поняла? – и он дёрнул рукав моего платья. Тот мгновенно разошёлся по шву и полетел вниз.

– Ну? Сама снимешь или мне продолжить?

– Мне же только 15 лет. Я несовершеннолетняя, – обхватила себя руками. Всё надеялась достучаться до сознания брата.

– Вот именно. Мне хочется узнать, как же это с такими, как ты... – от возбуждения зрачки Азиза расширились, он хищно облизнулся. Его рука потянулась снова к моему платью. Я понимала, битву мне не выиграть.

Да за что же мне всё это? Что я сделала не так?

От осознания собственной беспомощности залилась слезами, упала на колени и умоляла брата не делать этого. Азиз же наслаждался моим унижением, он пил его до дна. Отодрвал второй рукав у платья и схватился за ворот.

– Нет! Нет! – кричала я. – Не смей! Убери от меня свои грязные руки, мразь!

– Мразь? Вот значит, как ты меня называешь? Не хочешь повиноваться? Я заставлю.

Он встал передо мной в полный рост. Я всё ещё стояла на коленях. Ремень от брюк Азиза, как раз поравнялся с уровнем моих глаз.

– Сначала я подчиню тебя так. А уж потом удовлетво-

рю любопытство. У тебя слишком грязный ротик, малышка. Много слов плохих говоришь. Надо его почистить.

Азиз расстегнул ремень и спустил с себя штаны. Я зажмурилась что есть силы, но брат сжал мой подбородок больно и приказал:

– Смотри!

Я не послушалась. Тогда он ударил меня по щекам. От злости открыла глаза и увидела...

Налитый кровью, словно дуло пушки, нацелен на моё лицо, слегка подрагивал в ожидании.

– Открой рот и возьми его! – очередной приказ.

Меня сильно замутило: то ли от приказа Азиза, то ли от того, что не приняла вовремя капли, то ли от запаха...

– Сафи! Я сказал... – брат не договорил.

Содержание моего желудка фонтаном изверглось прямо на драгоценнейший орган Азиза и штаны от Armani.

Брат завопил и перебрал все нецензурные выражения, которые смог только вспомнить, щедро осыпая меня ими. Азиз выпустил моё плечо и заметался по помещению в поисках тряпки, которой можно обтереться, но ничего не нашёл. Тогда он рванул подол моего платья со словами:

– Тебе одежда сегодня всё равно уже ни к чему.

Зная Азиза и его чопорность в одежде, нездоровое отношение к любому микроскопическому пятнышку, я понимала, что для брата не было ничего хуже, чем извозиться в блевотине. Пока он копошился с моим подолом, новый приступ

тошноты подкатил к горлу, стоило только представить, что Азиз вознамерился сделать со мной. Я повернулась в сторону брата и изрыгнула вторую порцию своего праздничного ужина только уже на рубашку.

– Фуу, Сафи, ну ты и свинья! Облежала здесь всё. Весь кайф обломала. Ладно, иди сюда, придётся брать тебя так. Ротик твой оставим в покое, пусть блюёт на здоровье.

Он схватил меня за талию и поставил на четвереньки, сильно шлёпнув по заду.

– Ну и тощая же у тебя задница. Ничего, тем лучше для меня. Когда узко, всегда круто.

Когда он задрал то, что осталось от подола моего платья, и схватился за нижнее бельё, такое зло пробрало, накатила неконтролируемая ярость... Я не понимала, что происходило дальше. Помню только, что кончики пальцев рук будто свела судорога. Следом раздался хлопок. Взорвался отопительный агрегат, полыхнуло пламя, и повалил удушливый дым.

Азиз отпустил меня и закашлялся. Я же, слепая от злости, на ощупь метнулась к двери. Стоило только дотронуться до неё, как она рухнула кучей пепла к моим ногам. Я не оборачивалась, бежала сломя голову в спальню. Мне нужно скрыться. Никто не должен видеть меня такой. Это позор! Позор для всей семьи, для рода!

Успела проскочить незамеченной и заперлась на все замки. Осела на пол, наконец, чувствуя себя в относительной

безопасности. Выдохнула и горько разревелась. Так начался новый год моей жизни. Хорошо, нечего сказать!

Спустя некоторое время по дому забегала прислуга, в панике кричали гости. Отец раздавал приказы тащить шланги, а сам носился с огнетушителем. Об этом я могла судить, слыша через дверь его чертыханья, когда пытался сорвать с баллона пломбу.

Через пятнадцать минут всё стихло. Я решила, что сегодня наказывать меня не будут. Не при гостях же шоу устраивать, поэтому спокойно отправилась в душ.

Смыла с себя всё. Нещадно натирала кожу мочалкой, пытаясь содрать все прикосновения поганных рук Азиза. Рыдала каждый раз, когда вспоминала, что он хотел со мной сделать.

Разве брат может так поступать с сестрой? За что мне всё это?

Наказание не прилетело и на следующий день. Никто, кроме прислуги, не посетил мою уединённую келью. По-другому свою комнату и не назову. Обстановка без излишеств. Стол, стул, узкая жёсткая кровать и встроенный крохотный шкаф. Маленькая душевая. Радовало только большое окно, выходящее в сад, за которым виднелась усыпальница рода, где похоронена мама. Я часто сидела на подоконнике и мысленно беседовала с ней. Представляла себе её лицо и говорила сердцем.

Каждый раз перед моим взором возникал образ женщины с чистой, светлой кожей, пышными медными волосами и прекрасным лицом, намного красивее моего.

После новогодней ночи весь день провела на подоконнике в мысленном трансе. Вызывала образ мамы в голове и жаловалась на свои беды. Спрашивала её, почему она меня покинула. Знала, что не услышу ответа никогда. Вопросы возникали в моей голове по привычке. Однако на этот раз я услышала голос, который сказал: «Прости, милая! Прости меня. Ищи защиты... »

А вот у кого искать защиты, я так и не расслышала. В глазах потемнело. Я свалилась с подоконника на пол и потеряла сознание.

Когда очнулась, за окном стояла ночь. В дверь барабанил отец. Я кое-как поднялась на ноги и дошла до входа, чтобы отпереть.

– Сафи! Почему ты молчишь?

– Извини, я спала.

– Плохо выглядишь. Азиз сказал, тебя рвало вчера.

Азиз! Значит, не задохнулся в подвале, червь поганый!

– Что ещё он тебе сказал, папа?

– Это ты устроила вчера пожар?

– Какая разница, что я отвечу. Всё равно мне не поверишь. Всегда слушаешь только Азиза.

– Сафи, дочка, ты пьёшь капли? – Радул проявил нежность.

Как это странно! С чего бы это?

– Вчера я пропустила из-за новогоднего ужина. Приём строго по часам. Праздничная трапеза началась в 9.00, а лекарство принимаю в 9.30. У меня не было возможности сделать это, папа. Ты же знаешь, что после приёма мне становится на несколько часов плохо и следует находиться в постели.

– Получается, ты пропустила приём?

– Да.

– Почему же не приняла их, как только вернулась к себе?

– А я же пожар в котельной устроила, папа. Ты же сам сказал. А ещё меня там вырвало. И всё это видел Азиз. Не хочешь спросить, что брат делал в котельной вместе со мной? Я-то понятно, поджог готовила в подвале, а он? Да, папа меня вырвало Азизу на ширинку и на рубашку, потому что держал меня и хотел изнасиловать. Тебе показать, во что превратилось моё вчерашнее платье?

– Что ты несёшь? – взорвался Радул.

– Я говорю правду! – не выдержала я. – Но ты почему-то мне не веришь. Как мне достучаться до тебя? Знаешь, а мне опостылела жизнь. Не буду больше капли эти пить. Болезнь так болезнь! Пусть лучше я умру, чем жить вот так в постоянном страхе за собственную неприкосновенность. Ещё хуже стать игрушкой Азиза! Папа, почему ты меня не слышишь? Ведь я твоя родная дочь, не он! Но ты всегда на стороне Азиза!

Я не ожидала, что моя речь возымеет действие перед отцом.

– Сафи, умоляю тебя, не прекращай пить лекарство! Ты сильно заблуждаешься в своих рассуждениях.

– В чём я заблуждаюсь?

– В том, что мне нет до тебя дела.

– А разве есть? Папа, меня Азиз пытается изнасиловать. Он лапает меня, зажимает в углах, а в подвале хотел, чтобы я... – не смогла такое описать отцу. – Лучше сам спроси, что Азиз мне показал.

– Сафи, твоя болезнь... Это всё твоя болезнь! Тебе всё это кажется. Это всего лишь галлюцинации, первый признак. Всё потому, что вовремя не приняла лекарство. Возможно, нужно увеличить дозу. Организм привыкает. Малышка, обещаю тебе не прекращать приём, – Радул говорил вкрадчивым голосом, обнял меня, гладил по голове.

Стало тепло и приятно. Я даже на мгновение допустила мысль, что всё мне показалось, но синяки на теле говорили о другом.

– Нет, папа. Это не болезнь! Не галлюцинации. У меня синяки на плече, руке и бедре...

– Во время эмоционального возбуждения, которое спровоцировала галлюцинация, лопаются кровеносные сосуды, – терпеливо объяснял Радул.

– В форме пятерни, принадлежащей брату? – я уже не верила отцу.

Почему он всегда покрывает Азиза? Племянник для него важнее дочери. Хотя о лекарстве вон как печётся, значит, для чего-то я нужна. Только для чего?

– Сафи...

– Нет, папа. Я не буду принимать капли. Лучше умереть, чем жить так. Ты мне не веришь...

– Тогда я помещу тебя в клинику, и лекарство будет постоянно капать в твои вены. Заберу тебя из школы! – взорвался отец. – Неужели не понимаешь, что без капель ты делаешься опасной для общества!

Бросить школу – единственное место отрады – я не могла. Учиться мне нравилось, а в литературе я находила утешение. Пообещала отцу принимать капли, как и раньше, даже увеличить дозу.

Остаток каникул провела спокойно.

Азиза Радул отослал куда-то в далёкое имение на границу с Багровыми. То ли дело, как он выразился, срочное, то ли всё же к моим словам прислушался.

Сафи

Весной я обо всём рассказала своей учительнице литературы. Мне больше некому было излить душу. Голос советовал искать защиты, но у кого, я так и не поняла. Однозначно это должен быть кто-то взрослый. С тётей Мاديной отец видется запрещал. В моей болезни винил их с дядей Иль-

даром. Говорил, что недоглядели. Слово «Медные» звучало ругательством на его устах. Он ненавидел мамину родню.

Учительница пришла в шок, услышав мою историю. Она вознамерилась сообщить об этом директору и просить разрешения на аудиенцию у махараны. Я умоляла её не делать ничего подобного, объяснила, что огласка опозорит меня и весь род. Достаточно будет просто позволить мне проживать в пансионе во время каникул.

Видя моё сильное возбуждение, учительница пообещала подождать с аудиенцией, но директору сообщить просто обязана, потому что именно глава школы решал, кому позволить проживать на территории пансиона.

Сафи

Прошли весенние каникулы, а за ними пролетела незаметно и четвёртая четверть.

Я с нетерпением ждала, что мне позволят провести лето в пансионе. Однако к концу мая уволилась моя учительница литературы, а вслед за ней поменялся и директор школы.

Мне пришлось возвращаться домой.

Всё лето просидела в своей спальне, даже на свадьбу отца не спускалась. Радулу нет дела до моих проблем. Вот и я плевать хотела на то, что подумают обо мне другие. Сослалась на недомогание и свою болезнь.

В начале учебного года я узнала, что учительница и быв-

шая директор пансиона погибли в Верхнем мире при очень странных обстоятельствах. Этот случай научил меня ни с кем не делиться своими проблемами, чтобы не навлечь беду на невинные души. Мой отец – монстр, а брат и того хуже. В том, что к гибели учителей имеет отношение мой родитель, не сомневаюсь ни капли.

Новый учебный год начала по старому сценарию. Осенние и весенние каникулы проводила в школе, зимние и летние безвылазно в своей келье. Так продолжалось ещё три года, пока не перешла в выпускной класс.

Случилось это в марте, третья четверть подходила к концу...

Глава 4. Закоулки памяти

«С судьбой не ведут предварительных переговоров»

В. Гюго

У Древнего Змея Шанкхи Чёрного и его жены деянки Маруки сначала родились четыре дочери: Нагин, Поляна, Ануш и Шани. Потом появились сыновья, которые образовали многочисленный род Лунных нагов. Своё имя они получили оттого, что их мать прозвали Лунной госпожой. На самом деле Марука не имела никакого отношения к Луне. Она родилась на Дее и прибыла на Землю в составе экспедиции. В Мидгарде²¹ девушку иномирянку увидел Змей Шанкха, он никогда раньше не сталкивался с человеческими женщинами. Хрупкость и беззащитность Маруки сразили Чёрного²². Змей напал на девушку у озера, укусил и утащил в пещеру. Шанкха испытывал желание постоянно находиться возле своей добычи. Марука не умерла от укуса, хотя вполне могла. Яд нага сжигает человека изнутри. Девушка оказалась невосприимчивой к укусу, как и другие деянки (это выяснилось позже!)

Змей и Марука полюбили друг друга, поклялись в верности и зажили вместе в согласии. У Шанкхи было много бра-

²¹ Мидгард – планета Земля

²² Подробнее история Маруки и Шанкхи описана во второй книге «Песня сердца 2».

тьев, таких же бессмертных Змеев, как и он. Только Чёрный, Изумрудный, Сапфировый и Огненный стали родоначальниками истинных нагов. Остальные братья сделались прародителями двенадцати змеиных родов. Этому предшествовала тёмная история с женщинами-деянками, последующим судом и наказанием²³.

Такшака Отважный – Древний Змей из четырёх братьев, не запятнавших себя на плацу, долгое время жил в одиночестве. Самый старший и мудрейший из Древних Змеев Шеша перенёс в Паталу Шанкху, Васуки, Элапатру и Такшаку²⁴. Братья поделили мир Нагалоки между собой на четыре части. Позже в Паталу переселились все остальные змеи со своими потомками, но они всегда оставались в подчинении у высших четырёх.

Долго жил отважный Змей Такшака один. Он сотворил на юго-востоке Нагалоки чудесное царство, которое назвал Такшмарадж, а сам сделался сильным царём. Смелости у ярко-оранжевого гигантского Змея хватило бы на несколько легионов воинов. В подчинение к сильному Такшаке пошли Василиски, Багровые и Аспидные.

Змеи приумножились, часто происходили беспорядки. Обществу требовались законы и властный лидер. Так истинные взяли под своё начало змей. Такшака, сильный духом, одним взглядом подчинял непокорных, вид Отважного

²³ Подробнее об это описано в «Песне сердца 2».

²⁴ Имена Змеев заимствованы из древнеиндийского эпоса Махабхарата.

устрашал любого. Он был самым ядовитым из всех истинных, самым опасным. Однако рассудительность редко покидала его. Такшака прославился на века мудрым правлением.

Посмотрел на своё царство Огненный махарана. Всё-то у него ладно, но наследников нет. Возможно, и не нужны бессмертному Змею потомки, но тяготила душу пустота. Надоело отважному Такшаке одиночество. На подвластной ему территории лишь змеи. Задумался о жизни змеиный царь. Бессмертие не приносило Такшаке радости. Огненный решил обзавестись женой, подругой, которая скрашивала бы его одиночество. Горд был Такшака. Не хотел ни с кем объединяться.

Мы ведь помним, в те времена мало рождалось нагинь, а змеи изначально создавали с женщинами-деянками семьи, где на одну жену приходилось по несколько мужей. Вот и повелось среди обитателей Паталы многомужество, и долгое время придерживались наги этой традиции, пока не выровнялось число мужских и женских особей. Такой семьи Такшака не хотел. Единственный Змей, владеющий одной супругой, был Шанкха. Огненный много лет не видел своего брата. Последний раз пятеро встречались на Соборе Мудрецов у горы Меру. Давно ещё прослышал царь юго-востока о суде над молодым змеёнышем, покушавшимся на красоту старшей дочери Шанкхи Нагин. С того случая и возникла необходимость в царях и законах, чтобы было кому судить и наказывать. О красоте Нагин давно твердила вся Патала,

только неприступна оставалась нагиня. Даже выражения появились «красива как Нагин», «надменна как Нагин», «холодна как Нагин»²⁵. Решил Такшака навестить брата, а заодно и своими глазами посмотреть, правда ли, что настолько красива старшая дочь Шанкхи, что толпы нагов устремились на территорию Чёрного, чтобы посвататься к ней, хотя все как один получили отказ.

Такшака явился на земли Шанкхи и Маруки, Лунной госпожи, чтобы посмотреть на несказанную красоту Нагин, прекрасной Кобры, владеющей подобно мужчинам боевым перевоплощением. Однако судьба распорядилась так, что Огненный царь не увидел старшей дочери брата и любопытства своего не удовлетворил, зато повстречал Её.

Высокую, волоокую, гибкую, пухлогубую с иссиня-чёрными длинными волосами Шани, самую младшую дочь Шанкхи. Девушка резвилась с двумя старшими сёстрами в реке Сарасвати. Такшака возгорелся неудержимым пламенем к Шани, никого не замечал вокруг, хотя и сёстры хороши, одна другой краше.

Змей наблюдал некоторое время, оставаясь невидимым. Затем он услышал имя девушки: сестра обратилась к ней. Такшака начал тихо высвистывать имя нагини, по-прежнему оставаясь незримым. Шани замерла, напрягла слух и посмотрела туда, где находился Огненный царь. Никого не увидела

²⁵ Подробнее история Нагин описана во второй книги Змеиной саги «Песня сердца 2».

на том месте.

– Вы слышали это? – спросила Шани у сестёр. Девушки покачали головой, недоумевая, о чём речь.

– Этот шёпот... это... моё... имя... Меня кто-то зовёт...

– Сходи и посмотри, – посоветовала Поляна.

– Латы набрось, – добавила Ануш. – Помнишь, что произошло с Нагин?

Шани послушалась сестёр. Обернулась в чёрную полузмею. Верхнюю часть тела покрывали золотые доспехи: нагрудная пластина по фигуре, наручи и широкий пояс с драгоценными камнями – символ истинных нагов.

Нагиня ещё больше очаровала Такшаку Отважного. Кровь в нём забурлила и разлилась жгучей лавой по венам.

«Ш-ш-ш-шани-и-и», – шипел Змей так, что она одна и могла его слышать. Нагиня медленно поползла на свист, сжимая в руке аккуратный кинжал, который всегда носила с собой – так наказал всем дочерям отец.

Царь наблюдал за девушкой. Из Змея превратился в красивого нага под стать невесте. Такшака уже в мыслях нарёк молодую нагиню своей суженной. Он увлекал её всё глубже и глубже в лес.

Когда они удалились на достаточное расстояние от реки Сарасвати и Неприступного жилища Шанкхи, царь Такшака скинул невидимость и предстал перед Шани. Сильный, яркий во всём царственном величии с пылающим страстью взглядом. Нагиня уставилась на красавца полузмея, пора-

жённая, словно самого сура²⁶ увидела перед собой. Такшака слегка улыбнулся. В глазах Огненного нага ярче полыхнул огонь.

– Пойдёшь со мной, Ш-ш-шани? Станеш-шь царицей, – Змей застыл в ожидании ответа.

Такшака видел да и чувствовал, что обворожил нагиню своим величием и красотой, однако боялся отказа. Он, Древний Змей, божественная сущность, трепетал перед смертной нагиней.

– Я подарю тебе вечность, – вкрадчиво добавил он и двинулся обвивать Шани своими ярко-оранжевыми кольцами. – Только одно условие, – шептал Змей, накинув поверх чёрного, блестящего хвоста нагини несколько своих огненных чешуйчатых витков. – Только я, слыш-ш-шиш-шь? – последнее слово Такшака просвистел в самое ухо Шани.

Она чувствовала его горячее дыхание на коже, ощущала исходящий от него сладкий цветочный аромат. Этот запах дурманил нагиню. Ей хотелось уткнуться в Змея носом и вдыхать, вдыхать, вдыхать...

– Ты соглас-сна? – Такшаке не терпелось поскорее услышать ответ.

Шани молча провела остриём клинка по коже шеи от уха, над которым склонился Змей, к плечу, оставляя маленькую полоску крови. Это означало «да». Огненный царь не медлил ни минуты. Змей припал поцелуем к ранке и слизнул

²⁶ Сур – синоним Сыну Неба. Противоположность суру – асур.

кровь невесты, а затем укусил. Шани почувствовала, как по её венам потекла жгучая лава. Она громко вскрикнула и отключилась. Яд самого опасного змея теперь путешествовал по организму нагини, заявляя свои права на каждую клеточку. Ни один человек не выдержал бы столь токсичного впрыскивания царя Такшаки. Шани же была нагиней. В её теле присутствовал свой яд, не смертельно опасный, но достаточно сильный, чтобы превратиться в исцеляющую сыворотку. Яд нагини соединился с расплавленной лавой, боль стала утихать. Шани пришла в себя и встретила с пылающими страстью глазами Такшаки. Царь держал невесту на руках и низко склонился на ней. Их хвосты переплелись и представляли чешуйчатый клубок из чёрно-оранжевых змеиных тел. Огненно-рыжие длинные волосы Такшаки смешались с иссиня-чёрными локонами Шани. Змей взял кинжал нагини и лёгким движением, как несколькими мгновениями ранее сделала она, полоснул участок кожи над ключицами у основания шеи. Кровь Древнего Змея ало-оранжевого цвета приковала взгляд нагини.

– Это клятва верности, – прошептал Такшака. – Я твой, а ты моя. И только так!

– Об этом и прошу, – впервые нарушила молчание Шани и припала губами к ранке. Нежно слизала терпкую, солоноватую жидкость с гладкой кожи Такшаки. Он же чуть не лишился сознания от девичьего прикосновения. Задрожал всем телом и выкрикнул:

– Шанкха, я забрал твою дочь. Теперь она царица моей души!

Такшака вместе с Шани перенёсся в тот же миг из леса в долине Сарасвати в Такшмарадж на вершину Красной горы в блистающий золотом дворец Джатарупа²⁷.

Такшака нашёл новый смысл жизни. Как и обещал, Змей сделал Шани своей царицей. Любил её со всей пылкостью, на которую был способен его огненный нрав, холил, как драгоценный сосуд.

Шани родила своему несравненному много сыновей и дочерей. Такшака, бессмертный Древний Змей, жил нескончаемо долго. Он делился божественной энергией с супругой, поэтому Шани сохраняла молодость и здоровье на протяжении всей своей долгой жизни.

Нельзя сосчитать число детей, которых родила младшая дочь Шанкхи в безмерной любви к пылкому Огненному царю. Так, в Патале появился новый род истинных нагов – Огненные, который быстро умножился и сравнялся вскоре по числу с Лунными.

Назовём лишь самого старшего сына царя – Аслан – наследник и продолжатель прямой линии Такшаки Отважного, родоначальник династии Тайпан.

Долго мир и любовь пребывали в Такшмарадже, да и во всей Нагалоки, пока не случилась беда...

²⁷ Джатарупа – золото

ЧАСТЬ 2

Глава 5. Голос

*«Иногда, на время, лучше оставить всё как есть,
шагая, куда глаза глядят... Стать подобным
свободному ветру, одиноким звёздам,
мудрому солнцу и немой луне»*

Пауло Коэльо

Ранбир

– Я уеду из Бхогавати, – заявил я брату.

– Попрошу тебя остаться до окончания... – начал Давлет, но я не позволил продолжить. Вzbесился:

– Хочешь, чтобы у твоей жены почернела вторая метка? Неужели ты не понимаешь, как мне трудно?

– Когда хочешь уехать?

– Прямо сейчас.

– Куда?

– Пока не знаю.

– Дождись утра, прошу. Обдумай, куда поедешь. Я готов помочь тебе во всём. Ты же знаешь, тебе полагается... – Давлет со своей продуманностью и практичностью начинал раздражать. Да не нужны дворцы и территории. Я скрыться хочу. Как мне смотреть Лизе в глаза завтра?!

– Оставь это... Мне есть где жить.

– Я жду тебя рано утром здесь. Выпустим пар, потренируемся и всё обсудим. Давно я не разминался...

В назначенный час встретиться с Давлетом не получилось. Наше следующее свидание состоялось глубокой ночью.

За свой поступок я ждал наказания. Понимал, что вряд ли брат убьёт меня, хотя вполне мог. Моё поведение нельзя оправдать. Однако Давлет простил меня. Вот так легко. Лучше бы убил. Я перестал бы испытывать муки совести. Запретная любовь к Лизе не терзала бы меня больше. Как же я буду жить дальше со всем этим в душе?!

Я метался по дворцу. Ах, если бы можно было убежать от себя?! Я бы давно это сделал. Стены Родового Гнезда давили на меня, как никогда прежде. Та часть дворца, что принадлежала мне, показалась бесцветной, узкой и душной. Мне не хватало воздуха.

Зачем я только согласился на уговоры Давлета остаться до утра. Здесь везде отдаёт молодой махарани, даже в моих поках! Принюхался. Ну конечно, это я весь пропитался запахом Лизы. Скинул с себя грязную одежду, принял душ. Легче не стало. По-прежнему ощущал её аромат. Схватил измазанную в моей крови одежду и бросил в умывальник. Там же спалил собственным огнём. Всё равно легче не стало. Удушливый запах дыма погнал меня в сад.

Мне сейчас не хватало мартовской ночной прохлады

Верхнего мира. Остудила бы разбушевавшуюся кровь. Лечь бы в снег, чтобы прояснились мысли. В Патале слишком тепло и терпко. Аромат пряностей смешивается с цветочными нотками. Воздух давит и опьяняет. В голову лезут паршивые мысли.

В новом саду невозможно находиться. Каждый кустик напоминает о той, о которой стараюсь не думать. Это место создавалось специально для неё!

Мощённая гладким плитняком тропинка... Давлет лично отбирал каждый камушек для неё. Сайф предложил соорудить озеро в верхней части сада. Сделать это было непросто, ведь воду нужно поднять и обеспечить циркуляцию, чтобы озеро не превратилось в болото. Скамейки и плетёные беседки подбирала сестра. В Нижнем саду, чтобы хоть как-то подготовить девушку к нашей истинной ипостаси (предполагали, что змеиный вид будет устрашать Лизу), заказали с Сайфом у известного дизайнера проект «Фонтана любви».

Как ни пытались мы просветить Лизу в мелочах, ничего не вышло. Она напрочь отказывалась приближаться к фонтану и при этом густо краснела. Её реакция забавляла, поэтому мы ещё больше шутили на эту тему и подначивали девушку.

Лиза! Нет, ни в Верхнем, ни в Нижнем саду не найти мне глотка свежести. Здесь каждая мелочь связана с Лизой.

Я почти бегом покинул новый сад и устремился туда, куда старался как можно реже заходить. Судьба зло пошутила надо мной. Две любимые женщины и два сада, связанные с

ними. Ни один не давал мне тишины и должного утешения. Воспоминания нагоняли повсюду. В ту ночь из двух зол я выбрал старое. Пошёл в сад мамы. Лучше начну горевать и жалеть себя, чем метаться и прятаться от стыда и угрызений совести.

Ранбир

Сад царицы Зафиры встретил меня непроглядным мраком и удушливым запахом роз. Лунный свет с иллюзорного неба не мог проникнуть сквозь густую крону дубов. Вдоль аллей обелисками высились кипарисы, отбрасывая мрачную тень. Они, словно великаны охраняли вход туда, где мы испытывали особые чувства. Мой отец создал этот сад специально для своей джани в знак любви. Джихангир хотел, чтобы супруга была счастлива здесь, но увы... Мама ненавидела Бхогавати и Родовое гнездо.

Я смутно помню её улыбку, но тогда наша семья жила не здесь, а в Летней резиденции. Мы с Давлетом родились там. Брат рассказывал мне, что только в Летнем дворце мама громко смеялась и была настоящей.

В этом саду со всем его царским размахом махарани чувствовала себя одинокой и несчастной. Хотя место и названо в её честь, сама царица не жаловала его. Помню, незадолго до рождения близнецов она часто рыдала вот у этого дерева...

Остановился у раскидистого дуба. Под густой кроной стояла золочёная беседка. Я заглянул внутрь. Ничего не изме-

нилось. Та же резная скамья, сложенная из витиеватых орнаментов и песочница, где двадцать пять лет назад я строил туннели... Присел. Взгляд упал на тёмный предмет около скамьи. Нагнулся и поднял. Формочка-чёртик... Помню, как из неё делал песочные фигурки. Двадцать пять лет она валялась у этой скамейке, и никто не заметил!

В тот день я находился здесь, и среди игрушек оказалась эта самая формочка. Тогда я ещё удивился, откуда появилась она. Чёртик выглядел злорадно, немного пугал. Я хотел спросить у мамы, откуда среди моих вещей взялась эта уродливая формочка. Царице резко сделалось плохо. Побледнела и согнулась пополам. В глазах боль:

– Рани, сынок, позови кого-нибудь... – еле выговорила она.

Я не ушёл. Мысленно позвал Давлета и отца. Началась суэта, маму унесли...

Больше живой её не видел...

Время не лечит...

Мне было всего пять лет, но тот день я запомнил до мелочей.

«Помогите мне!» – молила мама. «Помогите мне...»

Ранбир

«Помогите мне!» – я слышал совсем иной голос, не мамин.

«Помогите мне!» – о помощи молила какая-то девочка.

Воспоминания отошли на второй план. Я прислушался... Вокруг царила тишина. Вышел из беседки и огляделся. В глубине сада что-то шуршало и слабо стонало. Я чётко услышал в голове отчаянный женский вопль: «Помогите!»

Метнулся на шорох. Он доносился из зарослей можжевельника. Там происходила борьба и спешная возня. Тихо подкрался и раздвинул кусты. То, что я увидел, не поддавалось разумению: Азиз Асланов завалил на землю свою младшую сестру и...

Я действовал машинально и молниеносно. Оторвал этого слащавого возбуждённого подонка за шкуру и со всего размаху врезал по челюсти. Под моими костяшками хрустнул красивый нос. Огненный испуганно посмотрел на меня. Удивление Азиза продержалось лишь мгновение на его смазливой роже. Из сломанного носа хлынула кровь, а эта рыжая мразь расплылась в окровавленной улыбке:

– Долг платежом красен...

Я понял, на что он намекал. Сам не лучше поступил буквально несколько часов назад, но я сразу же мысленно оправдал себя: «Лиза – моя жена по крови, это всё совершённый обряд! Я бы никогда...»

То, что собирался сделать Азиз... Дальше поток мыслей превращался в рой нецензурщины.

Я не удостоил Огненного ответа. Ещё раз мазнул по его челюсти, придерживая за шкуру. Хрустнули кости. Азиз взвыл. Ничего, ничего! К утру заживёт. Регенерация помо-

жет: ни синяков, ни шрамов не останется.

Толкнул Асланова в противоположный куст колючего шиповника. Для верности добавил пинка под зад, чтобы не сбился с маршрута.

Повернулся к девочке. Сердце передёрнулось от жалости. Господи! Совсем крошка ещё! Напуганные большие глаза, полные слёз, пышные растрёпанные рыжие волосы, съёжилась на земле в позе эмбриона, подтянула к груди колени, пытаюсь прикрыться. Всё, что я увидел, это острые суставы и решётка сильно выпирающих рёбер. Платье разорвано в клочья, повисло на ветвях можжевельника беспощадной тряпкой.

Я стащил с себя рубашку и укутал в неё напуганную несчастную девочку. Малышка вся дрожала. Ещё бы пережить такое!

Сафи избегала моего взгляда. Я понял, что ей стыдно.

– Расслабься, я ничего не видел, – прошептал ей в волосы.

– С-с-с-с-спасибо, – одними губами произнесла она и задрожала ещё больше.

Я подумал, что она замёрзла, привлёк к себе. На удивление, Сафи не сопротивлялась. Уткнулась носом мне в шею и залилась в тихой истерике. Её горячие слёзы скатывались мне на грудь. У меня в руках сидела беспомощная малышка. Что же за жизнь у неё? Что происходит в семье Аслановых? Мы знали, что Азиз – псих, но чтобы до такой степени...

Куда смотрит Радул? Мне захотелось немедленно полу-

чить ответы.

– Держись за меня, Сафи. Я унесу тебя отсюда в безопасное место.

Приподнял её на руки, девочка машинально крепко ухватилась за мою шею. От неё приятно пахло: клубничным компотом и лавандой. И хотя её притягательный аромат перебивала рыбная вонь Азиза, я порадовался, что тело девочки не пострадало, только душа.

– Закрой глаза.

Сафи послушно исполнила просьбу, и я переместился в свои покои. Там девочку не достанут родственники.

Ранбир

– Сафи, открой глаза. Ты в безопасности, – старался говорить тихо, чтобы не напугать.

У девочки шок, поэтому она так легко доверилась мне. Любая бы другая на её месте шарахалась бы от мужчин.

Малышка распахнула глаза, но не двигалась. Молчала. Не спрашивала, где находилась. Сидела неподвижно на моих руках. Переместил её на кровать, но не отпустил. Сафи всё ещё дрожала. Подхватил покрывало и обернул им девочку.

– Я прикажу сделать нам чай, – извинился я и осторожно оторвал от себя девичьи руки.

Сафи, наконец, осознала, что всё это время её обнимал мужчина. Она резко отшатнулась и чуть не свалилась на пол с высокой кровати. Успел поймать.

– Сиди тихо, малыш. Тебя здесь никто не обидит. Я сейчас принесу чай. Можешь воспользоваться моей ванной, чтобы согреться. Никуда не уходи отсюда, хорошо?

Девочка явно пребывала в шоке.

– Сафи, ты меня понимаешь? – вглядывался в её водянисто-зелёные, непропорциональные лицу глаза.

Кивнула.

– Тогда я за чаем?

– Не уходи! – в меня вцепилась тощая детская ручонка, кость, обтянутая кожей. – Не уходи! Я боюсь!

– Хорошо, я останусь. Не уйду. Только попрошу слуг принести нам чаю, ладно? Я здесь. Выйду в соседнюю комнату. Ты в моих покоях, Сафи. Сюда никто не посмеет войти. За дверями охрана.

Малышка кивнула и разжала костлявые пальчики. Я достал себе рубашку и вышел в гостиную отдать распоряжение слугам. Одну девушку отправил на кухню за чаем и едой. На Сафи больно смотреть. Она явно страдала анорексией. Её дома голодом морили?

Вторую служанку послал в опочивальню Сафи за одеждой. Мысленно вызвал Сайфа, попросил захватить Талгата. Брат явился через пару мгновений, телепортировался в мою гостиную. Хорошо, что не в спальню, иначе напугал бы и без того потрясённого ребёнка! Талгат вывалился из портала следом, бубня ругательства под нос:

– Уся, чтобы ещё раз нырнуть в твой телепорт! Да я лучше

шкуру с себя живьём сдеру!

– Ловлю на слове, Буся! Хочу посмотреть, как ты свой сапфировый хвост обдираешь, – мелкий ехидно усмехнулся.

– Сначала надеру твой серебристый зад, – расходился Талгат.

Пререкаться и жалить друг друга эти двое могли бесконечно, поэтому прервал словесную перепалку:

– Я позвал вас сюда не для того, чтобы наблюдать, как вы ядом друг в друга брызжете.

Оба забыли об обмене колкостями и уставились на меня.

– А ты живой ещё? Я думал, тебя Давлет уже задушил и на кусочки порубил, – заговорил Талгат. Сеитову всё равно, над кем подтрунивать.

– Душить, Сапфировый, это по твоей части. Кобры жалят или жрут врага, – ответил.

– Ну лады, не обижайся, как девственница, – Талгат хлопал меня по плечу. Я брезгливо скинул его руку и предупредительно посмотрел на друга.

– Понял. Заткнулся.

Малой уже давно читал в моих мыслях всё, что произошло в саду несколько минут назад. Закончив, он присвистнул:

– Во даёт! Идём, Бусенция. Дело есть, расскажу по дороге.

– Разузнай по-тихому всё, – кинул вослед Сайфу.

– Замётано.

– А что случилось? Мне кто-нибудь объяснит? – возму-

тился Талгат, когда малой снова потащил его в свой портал.
– Белобрысый, только не это-о-о-о...

Я усмехнулся. Помню, как однажды младший брат уговорил меня пройти сквозь его портал. Меня тогда с непривычки вырвало. Всё дело в том, что у каждого своя сила, особенная магическая аура. Как нет одинаковых людей, так нет одинаковых и нагов. Мы все индивидуальны, и магия каждого уникальна. Наш малыш однажды узнал, что умеет не только сам перемещаться, но и переносить с собой прицеп до трёх человек. Обычно же наг может взять с собой только одного попутчика.

В своё время способность Сайфа мы списали на то, что он один из близнецов. Вероятно, из-за этого у него увеличилась сила к телепортированию. Позже выяснилось, что Самира лишена способности перемещать кого-либо. Она умеет телепортироваться только одна. Видимо, у близнецов произошёл сбой и магия движения в пространстве при помощи мысли в большей степени передалась только Сайфу. Однако есть один нюанс – пассажиры малого испытывают такую турбулентность, что если вестибулярный аппарат не развит, желудок вывернется наизнанку.

Вернулся в спальню. Сафи на кровати не было. Сначала испугался, но услышал шум воды. Прислушался. Плачет и что-то шепчет.

Больше всего на свете ненавижу женские слёзы! С дет-

ства!

Я постучался:

– Сафи, у тебя всё хорошо? Выходи, жду тебя в гостиной.

Тихие всхлипывания прекратились. Вода перестала шуметь. Услышал шлёпанье голых ножек по мокрому полу. Поспешил в гостиную.

Слуги как раз накрыли стол и доставили вещи Сафи. Всех выставил за дверь и хотел уже отнести одежду малышке, но девочка вышла из спальни в моём махровом халате, который обернул худенькое тело раза в четыре. Где-то в широких рукавах терялись костлявые ручонки. Мокрые рыжие волосы лишились своей пышности, влажными прядями обречённо повисли на острых плечиках. Сафи выглядела ещё ребёнком, девочкой лет двенадцати – тринадцати, хрупкого телосложения. Вид нездоровый, с ней явно происходило что-то неладное. Нагини в подростковом возрасте выглядят более развитыми, чем люди. Мы выше и сильнее, быстрее растём и формируемся. А Сафи...

Я протянул одежду. Она смущённо забрала и скрылась в спальней. Вернулась через 5 минут, одетая в свои вещи. Чёрные лосины-джинсы обтянули тонкие ножки, на которые больно было смотреть. Удлинённая туника свободно висела на неоформленном детском теле. Волосы Сафи убрала в пучок. На узеньком личике выделялись огромные водянисто-зелёные глаза, словно навывкате. Красивой девчущку назвал бы слепой. Всё в ней было непропорциональным и да-

лёким от той совершенной прелести, которой обладали все наги и нагини без исключения.

– Садись за стол, – отодвинул для неё стул. – Попей чаю и поешь, – кивнул на еду. Служанок попросил принести побольше мяса.

Сафи скромно присела на край стула и обхватила ладонками горячую чашку. Низко склонилась над ней, от этого на спине выступили острые лопатки.

Устроился напротив и стал следить за девушкой, гадая одновременно, что же с ней не так. Сафи выпила чашку чая и немного поковыряла мясо.

– Почему ты ничего не ешь? – не выдержал я.

– Не хочу. Да и поздно уже для еды...

Серьёзно? С её-то сложением думать о часах приёма пищи?!

– По-моему, ночная трапеза пойдёт тебе только на пользу, – заметил.

– Мне достаточно. Спасибо. Я мало ем.

– Заметно, – не удержался от замечания.

Девчушка ссутулилась и уставилась в пол.

Я же обругал себя последними словами за несдержанность.

– Сафи, ты должна рассказать мне, что происходит...

– Нет! – замотала рыжей головкой.

– Я всё видел, Сафи. Азиз! Он подонок! Его надо привлечь к ответственности!

– Нет, нет, пожалуйста. Об этом никто не должен знать! – вскинулась девочка. – Это позор! Позор для семьи, позор... для меня... – она громко всхлипнула и уронила голову на руки.

Я понимал, сама ничего не расскажет.

– Сафи, то, что сегодня пытался сделать Азиз – преступление. Если только ты не согласилась на такое добровольно?

Девчушка зло взглянула на меня и возмущённо воскликнула:

– Конечно, нет! Он схватил меня на тёмной аллее и затащил...

– Это первый раз? – воспользовался моментом и не дал Сафи замкнуться.

– Нет.

Опять отвела взгляд и посмотрела в пол.

– У него ничего не получилось... тогда... Я ведь прав?

– Да.

– Кто тебе помогал? Должен же ещё кто-то знать о домогательствах Азиза?

– Никто не знает.

– Но тебе кто-то же помогал?

– Нет, не помогал. Счастливое стечение обстоятельств, и только. Мне удавалось от него убежать и скрыться.

– Ты говорила об этом отцу?

– Да. Он мне не поверил. Считает, что я всё выдумываю. Говорит, что при моей болезни часто случаются галлюцина-

ции...

– Болезни? – изумился.

– Да.

– Сафи, ты уверена, что больна?

– Да.

– И какая же у тебя болезнь?

– Змеиная хворь.

– Что, что? – я нервно рассмеялся.

Девочка на полном серьёзе убеждала меня в том, что нагины могут болеть. Мой смех, видимо, задел девчущку. Она выпрямилась, поджала губы и обиженно взглянула на меня. В её движениях ощущалась нестигаемая гордость, чувство достоинства, порода.

– Я уродина. Неужели не видишь, кумар? Всё это последствия заболевания. Меня иссушает змеиная хворь. От неё умерла моя мама. А я живу всё ещё благодаря каплям...

– Кто тебе сказал такую откровенную чушь собачью, Сафи?

Девочка замолчала и отвернулась.

– Не веришь, значит?

– Нет, – признался я.

– Тогда почему я такая? – Она показала на себя рукой. – Мне через три месяца 18 лет, а я выгляжу на тринадцать.

– Я не знаю, Сафи, но это точно не из-за болезни. Ты не поверишь, но нагины не болеют! Вообще! Наш иммунитет другой, сильнее человеческого. Даже в детстве ОРВИ прохо-

дит мимо нас. Скажи, ты страдаешь с рождения?

– Нет.

– Когда тебе сообщили, что ты больна?

Сафи выглядела растерянной. Мне почудилось, что в её бледных глазах промелькнула искра. Она о чём-то напряжённо думала.

– Тебя Радул убедил в болезни? – продолжил задавать вопросы. Девочка охотнее отвечала, чем рассказывала сама.

– Да. Со мной случился приступ... Там был ещё какой-то доктор из Верхнего мира... Некрасивый. Серый. Он точно не наг...

– Сколько тебе было лет?

– Десять.

– Как ты жила до десяти лет? Помнишь?

– Да.

Лицо девчушки просияло. Она улыбнулась и сделалась похожей на лягушонка с огромным ртом.

– Ты жила с отцом?

– О нет! После смерти мамы меня забрала тётя Мадина, жена Ильдара Ильясова.

Я кивнул, давая понять, что понимаю, о ком идёт речь.

– Ты когда-нибудь болела, пока жила у тёти?

Глаза Сафи расширились, будто об этом раньше она никогда не задумывалась.

– Не-е-е-ет, – протянула она. – Но... тогда я была здоровой. Развивалась нормально, как все дети. А потом со мной

случился припадок... Так началась моя болезнь. Отец забрал меня домой. Запретил видеться с тётёй. – Сафи замолчала. В голове девчушки, казалось, выстраивались события в логическую цепочку.

– Зачем ему это надо? – наконец произнесла она.

– Не знаю. Скажу только, что, находясь у Огненных, ты подвергаешься опасности. Боюсь, что Азиз, как это ни странно, наименьшая из них.

– Что же мне делать?

– Не возвращаться домой.

– Да, но моя учёба в школе скоро закончится. Вряд ли отец позволит мне продолжить учиться в колледже...

– Я могу помочь тебе вернуться к тётё, – предложил, хотя уже давно решил не отпускать девчушку от себя.

Сафи появилась вовремя. Эта малышка помогла переключиться и нарисовала для меня некоторую перспективу. Сейчас мне больше всего на свете требовалось занять себя чем-то важным. Вернуться к Медным я предложил из чувства долга. Сафи же не безродная. Матери нет, но есть отец, хоть и мерзавец, а ещё близкие родственники: тётя и дядя. Если Сафи согласится вернуться к родне, мне придётся выдумать причину, чтобы она всё равно осталась при мне.

Зачем мне это? Не знаю. Отвлечься. Да, отвлечься и занять себя суетой, новыми проблемами, хотя бы на некоторое время прогнать из головы мысли о Лизе.

– Боюсь, что если вернусь к Медным, отец не оставит их в

живых... – тихо проговорила она. – Все, кто имеет ко мне какое-либо отношение, погибают... Мама умерла, от тёти меня оторвали. Отец пригрозил однажды, чтобы не смела думать о встрече с Мадиной, иначе погубит их. Он зол на тётю. Считает её виновной в моей болезни. Я испугалась. Несколько лет назад я пожаловалась на Азиза учительнице в школе. Та рассказала о проблеме директору. К концу года их уволили, а потом они обе погибли при странных обстоятельствах, – Сафи замолчала и проглотила слезу.

– Я могу позаботиться о тебе и дать безопасность, – наконец объявил то, что давно хотел сказать.

Девчушка непонимающе посмотрела на меня.

– Если согласна, я оформлю опеку над тобой, позабочусь обо всём, дам тебе образование, устрою твоё будущее. Сегодняшнее происшествие я так не оставлю. Тебе нельзя жить рядом с Азизом. Он псих!

– Кумар, тебе не удастся доказать, что он псих. Скорее сумасшедшей сделают меня. Я не хочу громкого скандала. Не хочу, чтобы все узнали, что произошло... Это позор для меня...

– Сафи, тебе нечего стыдиться. Ничего плохого ты не совершила.

– Я не хочу огласки... Это будет пятно на моей репутации навеки, поползут слухи... В Патале трудно отличить сплетни от правды.

– Сделаю всё тихо, если согласна остаться со мной.

– Я... не знаю... – замялась. Понимал, что Сафи боролась с внутренними сомнениями. Я для неё совсем чужой. Возможно, девчушка и слышала обо мне раньше, но видела так близко и разговаривала наедине точно впервые.

– Я тебя не обижу. Дам безопасность. Обещаю, что после школы ты поступишь в колледж или в университет. Куда захочешь! Я разберусь с тайной твоей так называемой хвори. Думается мне, ты совершенно здорова, а всё это... – я постарался быть этичным и лишь чуть скосил взгляд на фигуру девочки, – даже если ты и вправду больна, я найду самых лучших врачей и вылечу. Сделаю из тебя красавицу, от женихов отбоя не будет.

– Это вряд ли, – тихо заметила она.

– Всё возможно. Ну, так как?

– Зачем тебе чужие проблемы, кумар? Неужели охота возиться со мной? Разве нет у тебя своих дел?

Правильные вопросы задавала Сафи, вот только я своего искреннего порыва до конца объяснить не в силах.

– У тебя никого нет, кто мог бы защитить. Обязанность махараны – защищать подданных, право старшего кумара – вступаться за слабых.

– Одно дело защищать, а другое – взваливать на себя ответственность за несовершеннолетнего подростка...

– Но ненадолго... Когда у тебя день рождения?

– 12 июня.

– В Змеевик, значит.

– Да.

– Сафи, я понимаю твои сомнения. Поверь, я не причиню тебе вреда. Сейчас мне действительно нужен кто-то, о ком я смог бы заботиться, чтобы... чтобы... Как тебе это объяснить?

Я встал со стула и нервно заходил по комнате. Не мог же я сказать, что мне нужно отвлечься от мыслей, возвращающих меня к жене брата. Любить Лизу я не перестану никогда. Сомневаюсь, что это возможно. Она у меня в крови...

– Ты не будешь для меня обузой, поверь. Но я, возможно, получу от тебя то, чего мне не хватает...

– Чего же не хватает кумару?

– Друга.

– Друга?

– Да, друга.

– Я думала, у кумара есть друзья.

– Есть, но нет друга, которому нужна моя забота. Помочь тебе – наивысшая награда для меня. Может быть, это доброе дело искупит грех...

Сам не знаю, зачем сказал такое. Поймёт ли меня Сафи правильно? Как объяснить этой малышке, что за мрак творится на душе?

– У меня нет другого выхода. Ведь это только на несколько месяцев, правда? – заговорила Сафи.

– Пока не станешь совершеннолетней.

– Я согласна.

Ранбир

Я оставил Сафи в своей опочивальне. Около дверей усилил охрану. Сам же отправился в кабинет Давлета. Сайф по ментальному каналу сообщил, что Азиз наследил ещё кое-где.

Этого я точно ему не спущу!

Младший брат ждал в кабинете.

– Где она? – сразу спросил.

– Талгат унёс Мию к себе в клинику. Снимет побои, оценит повреждения, зафиксирует, зашьёт и почистит... Сделает всё как надо... Укатал, конечно... Даже страшно представить, что несколькими минутами ранее в его лапищах была Сафи...

– Как это вышло? – перебил красочное описание, от которого, признаться, замутило.

– Ну, с сестрой ничего не получилось, а мальчик возбудился. Ты разозлил его – нос расквасил. Он убежал от вас вглубь старого сада. Мия просто попала под горячую руку...

– Не так я бы этот орган назвал, – поправил брата.

– Верно. Огненный признал в Мие свою бывшую служанку, ну и...

– Не продолжай. Могу представить. Как её нашли?

– Случайно, – Сайф растерянно потрепал шевелюру. – Ты велел нам с Талгатом проследить за ним. Мы отправились в

ту часть дворца, что отведена для Огненных. Слунтя там не обнаружили. Папаша со своей змеищей ещё на балу отплясывал. Мы хотели уже вернуться в тронный зал, чтобы поискать Азиза, но увидели в окно, что парниша возвращается в опочивальню чрезмерно довольным. Я приказал страже пропустить Огненного в комнату, но обратно не выпускать. Помнишь, младшую сестрёнку Мии, тринадцатилетнюю девочку Ти?

Я кивнул.

– Так вот, эта девчушка со слезами бежала по коридору и врезалась в меня. От неё я узнал, что Азиз уже второй день пытался пристроить свою похотливую часть тела в любое доступное место без разбора. Вчера он попробовал отловить в саду Ти, но девочке повезло, рядом находился садовник. Азиз побоялся шума. Ти рассказала сестре, и та запретила ей на время праздника одной ходить по парковой зоне. Обязанность же младшей – доставлять продукты с заднего двора на кухню. Работа не пыльная. Самое то для девчушки во время праздника. Мия взяла работу мелкой на себя, чтобы Ти не ходила через сад одна.

– Почему она не сказала нам сразу? – взорвался я. – Мы бы решили всё раньше и предотвратили бы насилие.

– Нам не до слуг, согласись? За сутки до брака мы еле откачали Лизу, а потом началось сумасшествие. Одна только церемония бракосочетания чего стоила! Голова болела, как обезопасить Лизу. Затем Бхогавати заполнили змеи и кише-

ли здесь до ночи. Всё мудрили, как помешать браку. А на следующий день коронация... Да ты и сам знаешь, какую реакцию вызвала в нас Лиза...

– Да уж.

– Слуги всё видят. Решили, нам не до них.

– Значит, сами с усами, – заключил я. – Где сейчас Азиз?

– У себя.

– Понятно.

– Что будем делать? – спросил малой.

– Есть кое-какие мысли...

– А как быть с Сафи? – не унимался Сайф.

– Она не хочет огласки, но поступить следует по закону.

За преступление должно наказать.

– Сложновато по закону и без огласки, – подметил малой.

В кабинет вошёл Талгат.

– Ну что? – спросили с братом одновременно.

– Порвал девочку, скотина, – ответил Сапфировый. – Дай выпить!

Я налил ему земляничной настойки. Талгат, не морщась, опрокинул рюмку.

– Ещё! А то я пойду и удавлю его собственными руками...

Протянул вторую. Сеитов и её выпил залпом. Помолчал, а потом потребовал:

– Зовите махарану! Я этого дела так не оставлю. Никто не смеет так поступать с женщинами, тем более с нагинями.

В кабинете находились все братья Умаровы, Талгат Сеитов, Радул и Азиз Аслановы.

Ранбир срочно вызвал Давлета в Бхогавати и тем самым оторвал от брачного ложа в Неприступном дворце. Повелитель нехотя покинул свою спящую царицу. Дело серьёзное: на территории Родового гнезда совершено преступление – насилие над служанкой, а также попытка принудить к близости несовершеннолетнюю нагиню из древнего рода. Всё усугублялось тем, что инициатором выступал родной брат. Инцест омерзителен сам по себе.

До появления Огненных Ранбир объяснил повелителю, что произошло, и обозначил своё желание взять девушку под опеку. Давлет одобрил порыв брата.

Спустя четверть часа в кабинете махараны собрались все. Царь выглядел, как грозовая туча, от Умарова-старшего волнами расходилась ярость, в воздухе возрастало напряжение. Тяжело стоять перед тем, кто мог лишить головы одним словом. Огненные почуяли настроение махараны и присмирели.

– Радул, ты здесь не просто так, – начал Давлет, – тебе известно, что произошло сегодня ночью?

– Да, ишвара²⁸. Пропала моя дочь Сафи. Она не ночевала в своей комнате.

– Тебя только это волнует, Радул? – встрял Ранбир.

– Да, – гордо ответил Огненный. – Ишвара, мой сын сооб-

²⁸ Ишвара – господин. Допускается только для узкого круга лиц (при обращении).

шил мне, что Сафи удерживает кумар Ранбир, – обратился к махаране Радул.

– Удерживает?! А больше ничего сынок не рассказал? – принц пожирал потемневшими от ярости глазами Асланова-старшего.

Давлет поднял ладонь, сделав среднему брату предупредительный сигнал, чтобы сохранял спокойствие.

– Продолжай, Радул, – предложил Давлет. – Пропажа девушки – это всегда весомый аргумент, чтобы обратиться к правителю за справедливостью. Насильственное принуждение несовершеннолетних к чему бы то ни было, ровно как и сексуальное домогательство любой женщины в нашем мире карается. Я готов выслушать тебя, Радул. Обещаю, все виновные понесут справедливое наказание. По законам Паталы устроим суд перед Советом...

– Ишвара, – Радул перебил махарану, – я не хочу суда. Огласка мне тоже не нужна. Полагаю, кумар не касался моего ребёнка. Требую вернуть мне дочь. Инцидент будет исчерпан.

Ранбир дёрнулся, чтобы возразить Огненному. Немыслимые намёки Асланова-старшего возмущали принца. Давлет предвосхитил попытку брата вмешаться в разговор.

– Сегодня вечером, Радул, в дальней части сада королевы Зафиры Ранбир натолкнулся на скандально-преступную сцену. Твою дочь Сафи пытался изнасиловать тот, кого ты называешь сыном. Азиз! – сказал повелитель.

Асланов-младший дёрнулся и приготовился изложить свою версию, но никто не позволил раскрыть ему рта. Махарана медленно поднялся из-за стола и одарил Азиза убийственным взглядом.

– Доказательством правдивости моих слов служит вот эта тряпка, – Давлет вынул из ящика стола кусок блестящей ткани, несколько часов назад называемой вечерним платьем Сафи. – Думаю, Радул, ты узнаёшь наряд дочери.

– Это не доказательство! – воскликнул-таки Азиз. – А я скажу, что кумар завалил мою сестру, а потом всё списал на меня! У него крыша не на месте, ишвара. Не Ранбир ли несколькими часами ранее склонял к близости твою супругу? Не вышло с махарани, так он набросился на Сафи!

– Я порву тебя голыми руками, слизняк! – проревел Ранбир и дёрнулся в сторону Азиза. Сайф и Талгат успели удержать среднего принца. – Пустите! Я оторву ему яйца и кину псам!

– Вот видишь, ишвара, твой брат – психопат. Он неуправляемый!

Давлет подождал, когда эмоции в кабинете улягутся, и спокойно продолжил:

– Что касается моей супруги, ситуация прояснилась. Вы сами слышали, что сказала махарани. Это была всего лишь тренировка, хоть и нелепая.

– Ага, слышали уже! – ехидно отозвался Азиз. – Глупее отговорок не найти.

– Нет жертвы, нет жалобы, нет вины. Вопрос исчерпан. Махарани недавно в нашем мире и не до конца ещё понимает заведённые порядки. Воспитанием своей супруги займусь сам. Это моя привилегия, мой авторитет.

– Смотри, чтобы у твоего авторитета рога не выросли, ишвара, – не смолчал Азиз и пошло оскалился.

Ранбир снова попытался наброситься на Огненного-младшего. Талгат и Сайф стояли на страже.

Давлет не обратил никакого внимания на обидные замечания Азиза и мерно продолжил:

– В случае с Сафи имеются пострадавшие, свидетели и претензии на справедливость.

– Да ну? Дай угадаю, свидетель – Ранбир. Быстро он из преступника в правозащитника превратился, – Азиз продолжал гнуть свою линию.

– Преступник здесь один! – заревел средний брат. – Харш! Мало я тебе по носу проехал, мало челюсть твоя хрустела, надо было оторвать всё на х...

– Спокойно! – властно сказал Давлет. – Сейчас пригласим жертву и послушаем, что расскажет нам она.

Радул громко усмехнулся.

– Ишвара, неужели ты будешь внимать детскому лепету? Сафи больна, ей много чего кажется. Мы не в претензиях к кумару. Верни мне мою дочь. О большем не прошу!

– Сейчас всё и выясним, – ровным голосом произнёс Давлет. – Талгат – доктор, если Сафи больна, что, замечу,

весьма странно, он сразу определит при осмотре.

– Нет! Я не согласен! – возразил Радул. – При всём моём уважении доктор Сеитов не тот специалист, который может диагностировать душевную болезнь.

– Не тот, – согласился Давлет, – с психическим состоянием твоей дочери разберутся специалисты, Радул, – повелитель прозвучал предупреждающе грозно.

Даже терпению и дипломатичности Давлета наступал предел. Ту ложь, что изрекали Огненные, просто невозможно было слушать.

Через несколько минут в кабинет вошла Самира. Принцесса вела за собой взволнованную Сафи.

– Дочка! – картинно воскликнул Радул и подался в направлении девушки. Самира закрыла малышку собой и с вызовом взглянула на Огненного, потом, не скрывая своего омерзения, обдала холодом Азиза.

– Прочь с пути! – принцесса произнесла это так тихо, что шёпот показался громким эхом в горах. Фраза повисла грозовой тучей в воздухе. Властные нотки произвели должный эффект. Радул отшатнулся, освобождая путь к повелителю.

Взгляд Самиры, полный ненависти к Огненным, прожигал и морозил одновременно, лишал возможности сопротивляться. Больше всего на свете принцесса ненавидела Радула и Азиза. Имелись веские основания на это. Она-то знала о подлости, алчности и порочности представителей рода Огненных нагов.

Самира подвела сконфуженную Сафи к Давлету. Махарана бережно принял из рук сестры ладошку девушки, накрыл двумя своими большими тёплыми ладонями и ободряюще заглянул девочке в глаза.

– Сафи, ты сейчас находишься под моей защитой. Никого и ничего не бойся. Расскажи нам правду. Как тебе живёт-ся дома? Какие отношения у тебя с родными? Что произошло сегодня вечером в саду? Говори всё без утайки. Я уже принял решение в отношении тебя. Ты остаёшься под моим личным покровительством.

Девушка с благодарностью посмотрела на махарану. На большие светло-зелёные глаза набежали слёзы. Ей хотелось довериться повелителю. А кому ещё пожаловаться бедняжке, если даже отец против неё?!

Давлет продолжил:

– Здесь все свои. Обещаю решить твой вопрос без лишней огласки. Не стесняйся, говори.

Давлет усадил девушку на своё кожаное кресло за стол из красного дерева.

– Ишвара, мне трудно обо всём вспоминать и говорить вслух. Всё, что узнал от меня кумар, – правда. Я слышала, что вы обладаете способностью считывать воспоминания. Разрешаю тебе, повелитель, сделать это, чтобы самой не про-износить вслух весь тот ужас, что творился со мной дома. А сегодня... – голос Сафи осёкся, глаза наполнились слезами, острый подбородок зашёлся в еле сдерживаемом спазме от

подступившей обиды.

– Считаю только необходимое. Вторгаться в личное пространство не буду, не беспокойся, – заверил повелитель.

– Личное пространство? – удивилась Сафи.

– Не коснусь непозволительного, – корректно пояснил Давлет.

– Об этом лучше бы моего брата просветить, – устало отозвалась Сафи. – Я доверяю тебе, ишвара.

Девушка вздохнула.

– Посмотри мне в глаза, – мягко попросил Давлет. – Ничего не бойся. Открой свои мысли. Хорошо. Молодец!

Радул пытался возразить, но махарана дал знак двум охранникам из личной свиты принцессы, вошедшие в кабинет следом за Самирой, чтобы уняли разбушевавшегося Огненного.

Повелителю хватило трёх минут, чтобы увидеть всю жизнь Сафи Аслановой через её собственные воспоминания. Поражённый, повелитель некоторое время хранил молчание. Затем одобрительно кивнул и заговорил:

– Как абсолютный владыка Паталы я вправе вершить судьбы своих подданных, вверенных мне наивысшей божественной властью. Моей целью является сохранять баланс жизни в Нагалоки, блюсти закон, защищать слабых и обездоленных, вдов и сирот, следить за соблюдением правых традиций и моральных принципов нагов. Если ко мне обращаются за помощью и справедливостью, я не отказываю. Сафи не едино-

жды подвергалась жестокости в собственном доме, поэтому я оставляю за собой право встать на её защиту. Ты, Радул, как отец не обеспечил дочери должного содержания, не дал ей безопасного крова и не внял её жалобам. Мне непонятна и чужда такая позиция отца по отношению к дочери. В связи с этим я намерен прибегнуть ко Всеобщему суду и лишить тебя родительского права.

– Никогда! – закричал Радул. – Я не знаю, что ты увидел, ишвара, в голове этой дуручки. Нет у тебя такого права отнимать дочь у отца!

– Сафи не дуручка, – прошипел Ранбир. – Как можешь так говорить о своём ребёнке?

– Я... я... имел в виду, что она слишком юная и дитя ещё... – начал оправдываться Огненный.

– Вот именно, что дитя, – подхватил Давлет. – Немыслимо сидеть ребёнку взаперти из страха за неприкосновенность, потому что родной брат денно и нощно караулит её с единственной целью. Советую тебе, Радул, добровольно подписать договор о том, что опеку на Сафи передаёшь мне. В этом случае я пойду навстречу и сохраню все преступления твоего наследника в тайне.

– Какие ещё преступления? – разволновался Радул.

Азиз напрягся и сделался серьёзным.

– Помнишь свою бывшую служанку Мию? – продолжил Давлет.

– Не понимаю о чём речь, – Радул притворился, что имя

девушки ни о чём ему не говорило.

– Не понимает он! – не выдержал Ранбир. – Радул, хватит разыгрывать из себя невинность. Через Мию ты пытался отравить Лизу, можешь не отпираться. Ты давно у меня на крючке. О том, что невеста правителя сменила комнату, знал только ты. Мия по моему приказу сообщила тебе эту новость, а следом в той самой опочивальне появились поло-сатые убийцы. Интересно, как это связано с тобой, Радул? Наверно, никак. Чистая случайность?

– Точно. Так и есть, – не моргнув, соврал Огненный.

– Я провёл этот эксперимент специально, чтобы подловить тебя, Радул. Можешь не отпираться. Мию ты знаешь так же, как и она тебя. Есть ещё младшая сестра, которую мы взяли из твоего дома.

Радул постепенно начал терять краски на лице. До него стали доходить слова принца. У Умаровых много козырей в руках. Братья не все карты ещё раскрыли. Битву против них ему не выиграть, но и отдать Сафи он не мог. Просто обязан держать её возле себя! Дочь слишком ценна, слишком опасна. Его жизнь и благополучие всецело зависели от этой девочки.

– Сафи больна. Она должна быть в родительском доме под моим присмотром, – цеплялся за последнюю надежду Радул.

– Нагини не болеют, – отрезал Ранбир. – Тебе это известно не хуже, чем нам. Прибереги свои сказки для несмышлёных детей. Либо добровольно передаёшь опеку нам над

Сафи, либо Азиз лишится своей рыжей башки за изнасилование личной служанки махарани с особой жестокостью, а также за попытку совершить насилие над несовершеннолетней нагиной. Все медицинские документы, подтверждающие его причастность, у нас имеются. Жертвы подтвердят всё, что здесь сказано. Не только потеряешь наследника, Радул, но и навлечёшь позор на весь свой род. Огненные лишатся привилегии называться истинными. Любой инцест отменяет непогрешимость и благородство древних предков. Ты и твои люди спуститесь на низшую ступень змеиной иерархии. Тебя будут ненавидеть свои же. Главой рода больше тебе не быть.

– Ты правда это сделал? – взвился Радул и вцепился руками в шею Азиза.

– Я... я... я... она... сама... она же всего лишь прислуга! Должна ублажать господ. В чём моя вина?

– Слуги – те же наги и нагини, только менее родовитые, их жизнь и неприкосновенность бесценны. Никто не имеет права применять силу по отношению к подчинённому, – как всегда, сдержанно заговорил Давлет. – Вот бумаги, Радул! Подписывай и убирайся со всем своим родом из Бхогавати. Я запрещаю Огненным появляться в столице. С тобой дел иметь не хочу и не буду. На Совете подниму вопрос о переизбрании главы рода, но позже. Сейчас у меня более важные дела. Скоро рассвет, мне пора возвращаться к супруге. Не задерживай меня.

– Что будет с моим сыном? – поинтересовался Радул. Го-

лос звучал сдавленно.

– По закону Нагалоки я должен принародно лишить его... того, что вызвало в нём желание совершить преступление. Однако ввиду того, что все дела мы решили скоро и тихо, Азиз будет помилован, но... – Давлет замолчал.

Радул напрягся. Асланов-младший побагровел.

– Как только Мия придёт в себя, я поговорю с ней. Дальнейшую судьбу Азиза, Радул, будет решать она: либо ты дашь девушке своё имя и примешь в семью невесткой, смыв тем самым позор с рода, либо откупитесь. Дешевле первое, но я бы на месте девушки выбрал второе и пустил бы вас по миру, – заключил правитель.

Радул что-то буркнул под нос, отчего Азиз низко склонил голову и напустил на себя виноватый вид.

Прежде чем подписать бумаги Радул бросил убийственный взгляд на Сафи:

– Надеюсь, ты продолжишь следить за своим здоровьем, доченька.

Девушка отвернулась.

Глава 6. Назад в прошлое

*«Любви нельзя добиться силой,
любовь нельзя выпросить и вымолить.
Она приходит с небес, непрошенная
и нежданная»*

Бак Перл Сайденстрикер

Мирослава и Умар стали тайно видеться в лесу. Выяснилось, что у них было много общего. Внук Шанкхи владел теми же способностями, что и Мирослава, только к ним добавлялись ещё змеиные: умение пользоваться невидимостью и тишиной, перемещаться силой мысли (такой способностью владели ещё хары и дары, туле и сварги телепортироваться не умели). Многие дары Умара впечатляли Мирославу.

Их взаимная заинтересованность постепенно переросла в любовь. Однажды наг признался:

- Мироша, ты дорога мне. Не хочу расставаться с тобой, – его золотистые глаза проникали в самое сердце.
- Любишь меня, – Мирослава не спрашивала, утверждала.
- Люблю и хочу, чтобы ты принадлежала мне всецело, – страстно ответил наг и обнял свою ненаглядную.
- Ой! Не торопись, Умарушка. Нужно, чтобы обряд признал тебя. Только тогда мои родители дадут нам благословение. По-другому нельзя. Иначе придёт беда.
- Какая беда? Я готов пройти что угодно!

– Приходи к круглому озеру в Купальную ночь. Поучаствуешь с нашими молодцами в ритуале выбора невесты. Если трава куш укажет на меня, так тому и быть!

– А если не укажет? – усомнился Умар.

– Верь, Умарушка! – улыбнулась Мирослава.

Не один Умар повстречал Мирославу в лесу. В самой чаще жил тигр-оборотень. То был пришлый демон из Тьмы. Имя ему Раван. Он возглавлял воинство ракшасов – сильных и опасных существ из рода даитьев²⁹, которым для жизни нужна энергия светлых сердец. Демоны извращали всё, что попадалось им на пути. Убивали с особой жестокостью, перед смертью мучили свою жертву. Упивались кровью и пожирали тела. Ракшасы не брезговали даже друг другом, что уж говорить о людях и животных. Когда демоны не испытывали голода, тогда они извращали людей и всё, что окружало их. Часто ракшасы брали себе наложниц из людей. Дети от таких союзов получались даже более беспощадными, чем сами демоны.

Раван проник в Мидгарт тайно. Силы асов сосредоточились на борьбе с тёмным воинством. Демоны Пекла обосновались на Леле и выжидали удобного момента, чтобы пробить Лунную защиту Земли. Властелин Тьмы пытался по-

²⁹ Даитьи – согласно индийской мифологии дети Дити и мудреца Кашьяпы – совместно с данавами имели вечное противостояние с адитьи, детьми Адити. Адитьи, даитьи и данавы – дети трех сестёр Адити, Дити и Дану. Дети двух последних перешли на сторону зла и считаются демонами.

нять, как создавался непробиваемый купол и где могла находиться слабина. Никакого изъяна обнаружить не удалось. Однако асы сами помогли Тьме, не ведая о том.

Приметив вражеские боевые корабли на малой Луне, светлый народ задействовал своё оружие и взорвал Лелю. Врагов уничтожили, как и Луну. Купол повредился. На Землю спустилась первая катастрофа, а вместе с ней проникло и первое зло.

Раван и его сородичи обосновались на Фатте. Луна бывшей планеты Деи вращалась в тандеме с Месяцем и Лелей, добавляла защитному куполу силы. Когда Малая Луна разлетелась на тысячу частей и воды обрушились на Мидгард, естественная защита Земли ослабла. Потребовалось время, чтобы функции Лели в полной мере взяла на себя Фатта. Вот тогда-то Раван и рискнул. Он покинул свой народ и отправился в Мидгард. Воды Лели заливали планету, континенты подрагивали от землетрясений, острова уходили под волны Великого Океана. Никто не заметил появления ракшаса на Земле.

Вскоре после Первой катастрофы выжившие асы, утратив свою прекрасную Дарию, переселились на Великий континент. Построили город на слиянии рек Ирий и Омь. В месяц Тайлеть³⁰ девятого дня, в праздник Трёх Лун, нарекли столицу Асгардом Ирийским. Страна же та названа Белогорьем. Светлый народ поглотили заботы: обустройство на но-

³⁰ Тайлеть – август, месяц Завершения.

вых землях требовало много сил и внимания. Никто не заметил тихо спустившейся вайтманы³¹ под покровом ночи. Защитный купол дал сбой. Путь в Мидгард был открыт.

Какова же цель Равана? Демоны втянулись в войну, их внутренний мир противоречил всему доброму, но даже злым духам надоедали битвы. Всё чаще хотелось покоя и счастья, которого никогда не ведали демоны. Раван желал знать, как людям удавалось, даже в состоянии вечной войны, радоваться мелочам и оставаться счастливыми.

Чтобы не привлекать к себе внимания, он обернулся тигром и поселился в лесу, недалеко от того места, где проживали сварги.

– Дочка, куда ты собираешься? – спросила Мирославу мать.

– В лес, матушка, травки собрать.

– В лес, говоришь? Смотрю-ка, птицам и зайцам бусы твои красные по душе пришлись, и для белок повязь³² самую нарядную приладила. А от синей ленты с жемчугами гады замирают, кусать перестают, как я погляжу.

– Не жалят меня змеи, матушка. Они меня любят.

– Угу, – мать с подозрением оглядела дочь. – Отец сказал, в лесу зверь большой и хищный завёлся. Стада диких оленей загрызает. Осторожнее будь! Далеко не ходи, кому надо и

³¹ Вайтмана – космический корабль малого типа.

³² Пóвязь – вышитая повязка на голову.

поближе приползти сможет.

– Что? – округлила глаза Мирослава.

«Неужели мама обошла мой щит и проникла в голову?! Мы же не делаем так в семье!»

– Я, дочка, говорю про змей, которые любят ленты голубые в твоей косе, – заметила родительница.

«Кажется, от мамы скрыть ничего невозможно», – подумала Мирослава и сразу получила ответ:

– Чтобы понять это, мне не нужно даже в голову лезть. Глаза выдают тебя. Станешь матерью – узнаешь сама.

Девушка далеко в чащу не ходила. Условленным местом встречи с Умаром было круглое озеро. В тот вечер наг припозднился. Мирослава ждала своего возлюбленного. Лесные обитатели всегда радовались приходу доброй сварги. Для них у девицы припасено угощение в корзине. Птицы, зайцы и белочки часто скрашивали минуты ожидания.

Вот только в этот раз все зверюшки попрятались. Не услышала Мирослава пения птиц. Давила мёртвая тишина. Обычно сварга чувствовала присутствие животных поблизости, но в тот вечер весь лес погрузился в молчание.

Страх прокрался в душу к Мирославе, лёг тревожным камнем на сердце. Воздух внезапно сделался тяжёлым. Девушка сперва испугалась, что оглохла и утратила свой духовный дар. Резко повернулась и побежала вдоль берега озера. Бусины на ленточке в косе весело позвякивали. Этот тонкий

звук успокоил Мирославу. Всё-таки слух не ушёл! Сварга решила всё же обойти озеро.

«Дух леса шутить надумал», – помыслила девушка.

Мирослава обогнула водоём. Тишина не исчезла. Страх усилился. На небосклоне появились чёрные тучи, налетел порывистый ветер и резко стемнело.

«Ведь ничего не предвещало грозы», – рассуждала Мирослава.

Где-то в глубине чащи сверкнули ярко-оранжевые глаза и начали приближаться к девушке. Она попыталась понять, что за зверь тайком крадётся, но ничего не выходило. Сварга видела горящие глаза, но не могла просочиться в сознание. Будто кто-то держал защиту от проникновения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.